

Присцилла Рузвельт (США)

СУДЬБА УСАДЕБ РОССИИ И ИХ СОКРОВИЩ. 1917-1930

В первые годы XX столетия большинство крупных поместий провинциальной России не только давали доход своим владельцам и тем, кто работал в этих усадьбах, но и представляли собой самодостаточные культурные миры! Их главные дома содержали внушительные коллекции редких книг и манускриптов, фамильных портретов, европейской и русской живописи, рисунка и скульптуры; замечательные образцы заграничной и отечественной мебели; специализированные коллекции, такие как музыкальные инструменты или древности; многочисленные художественные предметы из стекла, фарфора, серебра и бронзы; карты, дневники, усадебные деловые документы, а подчас и важные неопубликованные рукописи. Не представляется тайны, что революции и войны губительны для подобных культурных артефактов. Ныне местонахождение многочисленных сокровищ, сосредоточенных в провинциальных российских усадьбах — произведений искусства, мебели, бытовых предметов, книжных раритетов — в большинстве случаев неизвестно. Мы даже не знаем точно, что было в большинстве из этих усадебных домов, поскольку до революции редко составлялись инвентарные списки их коллекций и обстановки, да и дошли до нас лишь единицы подобных каталогов. Известно только, что в первое десятилетие Советской власти значительная часть уникалов из этих провинциальных собраний была либо уничтожена, либо тайно вывезена из страны бывшими владельцами, либо продана за границу государством или просто расхищена крестьянами и местными властями для личных нужд или в целях наживы. Хотя многие предметы оказались в столичных и провинциальных музеях, попытки государства спасти картины, мебель, предметы обстановки и библиотеки часто приводили к их гибели или порче при перевозке в городские хранилища. Большинство инвентарных списков, торопливо составленных в процессе экспроприации, в лучшем случае были поверхностными. Многие предметы из усадебных домов вообще были без каких-либо указателей, так что определить их происхождение, когда их распаковывали (иногда через несколько лет) оказалось невозможным. Библиотеки, семейные архивы и деловые документы усадеб были также уничтожены. Результатом стала культурная трагедия России в чрезвычайно широких масштабах; не только утрата или порча предметов исторической и культурной значимости, но и «письменного следа», благодаря которому можно было бы узнать их историю и определить прежних владельцев.

Трудно проследить ход этого процесса. Многочисленные советские декреты теоретически указывали, как надлежит распоряжаться любыми усадебными ценностями. Дореволюционная история каждой усадьбы была уникальной, уникальной оказалась и их судьба в первое советское десятилетие. В период революции и гражданской войны индивидуальный исход определялся широкой комбинацией факторов. Среди них были репутация прежнего владельца у крестьян, верность оставшихся в усадьбе управляющих и слуг, опыт и компетенция экспроприаторов, невежество и алчность местных властей. Состояние окружающей среды, прежде всего, война и погода также играли существенную роль. В этой статье я попытаюсь обрисовать официальную тоску зрения и правительственные распоряжения по вопросу усадебных ценностей в первое советское десятилетие, а также кратко показать подлинную судьбу некоторых усадеб в различных регионах империи. Я не претендую на то, что приводимые примеры окажутся показательными, поскольку исчерпывающее исследование, если оно вообще возможно, остаётся делом будущего. Оно потребует многих лет и упорных трудов, ибо первичные материалы разбросаны в многочисленных центральных, провинциальных, муниципальных и музейных архивах². Мои российские коллеги, многие из которых посвятили себя воссозданию по возможности целостной картины русской усадьбы и кто начал изучать эту печальную, подчас, зловещую тему, в конце концов, без сомнения, добьются успеха. Но даже сейчас я могу с большой долей уверенности сказать, что произошедшее с русской усадьбой после 1917 года по своему масштабу сравнимо с культурным уроном, нанесённым Китаю культурной революцией Мао.

Процесс экспроприации и его последствия

Стратегия большевиков в деревне опиралась на вспыхнувшую вражду крестьян к помещикам. Их заклемили эксплуататорами народа, и усадебная культура рассматривалась как ненавистный реликт прошлого, который надлежало снести с лица земли. Эта стратегия принесла свои плоды. Волна насилия, поднявшаяся против владельцев усадеб весной и летом 1917 года, беспрепятственно продолжалась в течение всего года. Достаточно одного примера, когда в августе 1917 года усадьба Вяземского Лотарёво в Тамбовской губернии была разгромлена революционерами, и её владелец Борис Вяземский убит на местной железнодорожной станции. Вскоре после этого его жена Елизавета бежала в Ялту, а усадебный дом в Лотарёве был окончательно уничтожен³. За первые несколько месяцев советской власти около 10% усадеб было разграблено и разрушено, некоторые главные дома были сожжены⁴.

Победившие большевики поняли, что подобное неистовство, пусть и оправданное их теорией и полезное для дела революции, ныне должно быть обуздано, поскольку оно чревато гибелью богатства и истории страны. Сразу же после победы большевиков и Ленин, и Луначарский (народный комиссар просвещения) высказали острую озабоченность судьбами коллекций и библиотек исторических усадеб и ясное понимание опасности того, что эти национальные сокровища окажутся в распоряжении невежественных масс⁵. Однако в тот пе-

риод, сравнительно с другими революциями (например, Французской), как подчёркивает Александр Мосякин, поражает, что сразу после большевистского переворота в большинстве провинциальных городов и усадеб, а также в Петербурге и Москве, местное население нанесло сравнительно небольшой ущерб громадным культурным богатствам, сосредоточенным в русских усадьбах⁶. Причина была в том, что крестьяне рассматривали собственность бывших владельцев как своё достояние. В эти первые месяцы власти считали национализированные усадьбы прежде всего источником сельскохозяйственной зажиточности деревенского населения и призывали крестьян управлять усадьбами подобно полноправным собственникам. На следующий день после Октябрьской революции Совет Рабочих и Солдатских депутатов издал «Декрет о Земле», узаконивший немедленную экспроприацию всей земельной собственности (не делая различия между движимой и недвижимой). Конфискованная собственность, ныне принадлежность «всего народа» находилась в теории под «революционной охраной». Неделей позднее в провинцию были направлены инструкции, разъяснявшие данный пункт и требовавшие, чтобы находящиеся в хорошем состоянии усадьбы были переданы местными советами в распоряжение агрономов.

Таким образом контроль над усадебными домами, равно как и над землёй, передавался волостным земельным комитетам и местным советам, состоящим из людей малокультурных или вообще лишённых культуры. Они без промедления изгнали прежних владельцев и занялись разделом усадебной земли и сельскохозяйственного инвентаря. В лучшем случае местный комиссар делал поверхностную инвентаризацию строений, машин и т.д. Он также был обязан составлять инвентаризацию предметов художественной ценности, находящихся в главных домах усадеб, предназначенных для местных культурных учреждений, но в большинстве случаев его образовательный уровень не соответствовал этой задаче.

К концу января 1918 г. три четверти усадеб центральной России были экспропрированы⁷. Хотя представители «благородного сословия», такие как Г.В. Чичерин (наследник Караула в Тамбовской губернии) и Александра Коллонтай были членами Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), это учреждение до весны 1918 г. прежде всего принимало во внимание сельскохозяйственный потенциал, а не культурные проблемы при экспроприации усадеб, и это привело к большим потерям за первые месяцы новой власти - 101 из крупных усадеб Подмосковья быстро стали государственными хозяйствами, и это послужило примером для провинции⁸. Часто центральные власти сталкивались с сопротивлением на местах, когда они пытались вывести ценности из этих новых государственных хозяйств. Даже в 1920 г. Владимирский Наркомпрос был вынужден прибегнуть к помощи ЧК при вывозе ценностей из государственного хозяйства Муромцево, ранее усадьбы Храповицкого. В результате было вывезено 5,5 т «картин, ковров, фарфора и бронзы»⁹.

То ли новости относительно декретов Москвы распространялись с промедлением, то ли местные крестьяне были достаточно хорошо расположены к помещикам, но в некоторых регионах эти меморандумы центральной власти попросту игнорировались до появления большевистских эмиссаров. В Хмелите

Смоленской губернии, в Александровке Костромской губернии и в других местах весной и летом 1918 г. жизнь протекала как обычно¹⁰. Некоторые прежние владельцы нашли временное убежище в своих усадьбах. Вплоть до конца 1923 г. усадьба Самариных-Комаровских Измалково служила приютом как для членов этих семей, так и для родственных семей Осоргиных, Мансуровых, Трубецких и Ильиных. Однако рано или поздно все владельцы усадеб были изгнаны, обычно в одночасье. Семейство Григоровых, владельцев Александровки Костромской губернии надеялось, что власть большевиков будет кратковременной. Их надежды развеялись в июле 1918 г., когда появились большевистские активисты, объявили о национализации усадьбы со всем имуществом и приказали немедленно покинуть усадьбу, взяв только одежду и некоторые необходимые для жизни вещи. Усадьба стала государственным хозяйством, но в таком качестве просуществовала недолго. 8 ноября 1919 г. главный дом сгорел полностью, и вскоре после пожара государственное хозяйство распалось¹¹.

Некоторые известные усадьбы, особенно вокруг Москвы, как и некоторые прежние владельцы, были в исключительных случаях избавлены от подобного зверского обращения. Московский Совет выделил подразделения Красной Армии для защиты от разграбления трёх крупнейших усадеб: Архангельского Юсуповых и Кускова и Останкина Шереметевых с их музейными коллекциями; эти усадьбы первыми получили от властей охранное свидетельство. Весной 1918 г. З.Г. Морозова получила охранное свидетельство для своей подмосковной усадьбы Горки на Ласточкиных холмах. Примерно в это же время Остафьево, к югу от Москвы, получило охранное свидетельство благодаря хлопотам П.С. Шереметева, который оставался в нём в качестве директора музея до 1929 г., живя в одном из флигелей.

Государство также проявило терпимость к родственникам «прогрессивных» писателей и художников. Отвечая на просьбу местных крестьян, 30 марта 1918 г. Совнарком взял под охрану Ясную Поляну, усадьбу Л.Н. Толстого, «со всеми историческими реликвиями»; его вдова жила здесь на государственной пенсии до самой смерти¹². Вплоть до конца 1921 г. потомки Лермонтова продолжали пребывать в Кропотове Тульской губернии. Родственники художника В.Н. Поленова переместились из главного дома в Поленове (Тульской губернии) в маленькое помещение и оставались в усадьбе на протяжении всего советского периода в качестве администрации музея Поленова. В 1920 г. Ленин подписал специальный декрет, закреплявший за Андреем Гагариным (основателем Политехнического института в Петербурге) наследственную усадьбу Холомки Псковской губернии¹³.

За период 1918-1921 гг. ряд крупнейших усадеб на пространстве от центральной России до Крыма стали либо резиденциями номенклатуры, либо домами отдыха коммунистического офиса. Это никоим образом не свидетельствует о сохранении их богатств. В апреле 1918 г. работники в усадьбе Морозовой Горки, в основном латыши, создали коммуны; спустя год они вернулись в Латвию, захватив с собой большое количество сувениров из усадьбы¹⁴. Но и крестьяне иногда не представляли себе, как можно использовать обширные усадебные дома. Ти-

пична для менее известных усадеб судьба Григорово Дмитровского уезда Московской губернии. Вот воспоминания местного крестьянина: «Коммуна «Борьба» была организована, и под лозунгом «Мы строим новый мир» они сожгли главный дом, амбары и каретный сарай, превратили усадебную церковь в жилое помещение, а затем в кафе. Все бедняки, пьяницы и бездельники пришли в коммуны... в надежде на беззаботную жизнь... За десять лет существования коммуна не только ничего не произвела для государства, но и не смогла удовлетворить собственные повседневные нужды»¹⁵. Когда местные власти превращали усадебные дома в школы или культурные учреждения, они находили употребления для некоторой части мебели, но всё остальное сжигали. Книги и документы также были сожжены, пошли на самокрутки или на что-либо подобное.

Музейный отдел

В мае 1918 г. был сформирован музейный отдел Наркомпроса, который должен был заниматься проблемой усадеб. Его возглавляла Наталия Седова, жена Льва Троцкого, и это придавало ему определённый престиж. Многие из его сотрудников были обеспокоены признаками громадной культурной катастрофы в провинции, казалось, только быстрые решительные меры могли её предотвратить. С другой стороны, в официальном журнале Наркомпроса «Искусство» некоторые левые художники, такие как Николай Пунин и Давид Штеренберг открыто призывали разрушить «старый мир» русской культуры. В противовес этому нигилизму искусствовед Игорь Грабарь начал общественную кампанию за спасение национального наследия старинных усадеб России: «Разве наши предки жалели трудов, когда создавали эти прекрасные усадебные дома, вызывавшие у путешествующих иностранцев восторг и, действительно, являющиеся гордостью России?... Разве не руками наших предков сделаны эти дивные вещи, которыми переполнены богатые усадьбы: прекрасная мебель, бронзовые произведения искусства и прочие художественные предметы?»¹⁶

В следующем году он опубликовал брошюру под заглавием: «Почему необходимо охранять и собирать сокровища искусства и старины?» В ней не только был дан обоснованный ответ на этот вопрос, но и предложен метод регистрации и инвентаризации произведений искусства, который мог стать моделью для работы в ближайшие годы¹⁷. Три важные декрета, принятые в 1918 г., поддержали позицию Грабаря. В сентябре были запрещены экспорт и продажа за границу предметов, представляющих уникальную художественную и историческую ценность; в октябре постановлено, что предметы искусства и старины, находящиеся в частных руках, подлежат регистрации, каталогизации и сбережению; в декабре подобное же постановление было принято относительно охраны библиотек, архивов и прочих научных ценностей. Этими декретами были поставлены под эффективный государственный контроль всё художественное и антикварное достояние России.

В конце 1918 г. было создано 8 подразделений музейного отдела. Относительно охраны усадеб наиболее важными стали: второй подотдел, Национальный Музейный Фонд (позднее Государственный Музейный Фонд, Госму-

зейфонд), хранилище конфискованных сокровищ, который с июля 1919 г. возглавил И.Э. Грабарь; и пятый подотдел во главе с Т.Г. Трапезниковым, отвечавший за охрану памятников в провинции. Пятый подотдел провёл своё первое заседание в октябре. Первые три решения касались усадеб Московской губернии: были выданы охранные грамоты Сафонову в Дмитровском уезде, двум комнатам со старинной мебелью в Колюбакине (Рузский уезд) и Горкам (Подольский уезд). Позднее подотдел Трапезникова разработал список 520 усадеб, представлявших выдающуюся значимость, из которых 155 находились в Московской губернии; в эти усадьбы направлялись эмиссары для инвентаризации и вывоза ценностей.

На практике в хаосе революции и гражданской войны возникли огромные препятствия для внедрения системы регистрации, охраны или вывоза сокровищ из далёких крупных усадеб. Охранные грамоты — официальные документы, свидетельствующие, что данная усадьба находится под защитой «Всероссийской Коллегии Музейных Дел и Охраны Искусства и Старины» — были важным, но не всегда действенным первым шагом. Такие грамоты выдавались отдельным усадьбам за период с сентября 1918 г. по 1921 г. Среди первых были Архангельское, Кусково и Останкино, но, в конце концов, было выдано только около 180 грамот; в реальности ответственность за охрану обычно возлагалась на местные власти, которые были подчас индифферентны, а скорее всего, просто не имели времени или средств справиться с подобной задачей. Сотрудники Наркомпроса вскоре поняли, что винные погреба являются искушением для вандалов из округи. Несмотря на грамоту и вооружённую стражу, пьяная орда ворвалась в Кусково и перебила множество ценнейшего фарфора в доме¹⁸. Более решительным шагом было назначение постоянной охраны в известнейшие подмосковные усадьбы, такие как Никольское-Урюпино, Ольгово, Мураново и Назарьево. В некоторых случаях бывшие владельцы — А.С. Мамонтова в Абрамцеве, Н.И. Тютчев в Муранове — были назначены хранителями или принимали активное участие в вывозе ценностей из собственных усадеб¹⁹. В конце 1918 г. библиотека Тургенева и подлинная мебель из Спасского-Лутовинова была перевезена из усадьбы Ольги Галаховой Клеймёново в её дом в Орле по её собственной просьбе²⁰.

Эмиссары

В борьбе за спасение сокровищ усадеб России «эмиссары» Музейного Отдела играли жизненно важную роль. Архивы Наркомпроса сохранили фамилии более 60 человек, многие из которых проявили подлинный героизм. Часто в чудовищных условиях военного времени они производили инспекцию усадеб, составляли списки ценностей и производили их вывоз в Москву или другие крупные города²¹. Но гораздо типичнее иное: им приходилось собирать ценности, которые было невозможно немедленно вывезти, в определённых печатанных комнатах усадебного дома или — как в Покровском Мусиных-Пушкиных (Московская губерния) — в амбаре. При возвращении они слишком часто находили печати сохранными, а значительное число предметов оказывалось похищенным.

Не удивительно, что крупнейшие московские усадьбы оказались в числе первых, где была проведена инвентаризация и постановка под охрану. Из усадебного музея в Отраде Орловых-Давыдовых в ноябре-декабре 1917 г. было вывезено 68 запакованных ящиков с ценностями в кладовые Исторического Музея (где они стояли нетронутыми в течение трёх лет). Другие ценности остались опечатанными в усадьбе. Но в сентябре 1918 г. Музейный отдел узнал, что местные советские власти вскрыли эти печати и вывезли вещи «для нужд культурно-образовательной комиссии Исполкома»²². На основании октябрьского декрета 1918 г. о регистрации и охране собственности, который предоставил Музейному Отделу властные полномочия распоряжаться как Отрадой, так и аналогичной усадебной собственностью, эмиссары немедленно выехали в Отраду, где они потратили два месяца на инвентаризацию коллекций и библиотеки для вывоза в Москву. При отъезде они оставили хранильницей шестидесятилетнюю вышнюю экономку. Она успешно справлялась со своей задачей вплоть до 1925 г., когда был вывезен последний предмет.

Петровское Михалковых было крупнейшей ярославской усадьбой, требующей немедленного действия для сохранения его бесценных сокровищ. Энергичный двадцативосьмилетний эмиссар В.А. Мамуровский упаковал и вывез оттуда большое число старых картин, скульптур, фарфора и других художественных предметов. Лучшие картины попали в Третьяковскую галерею, а 246 гравюр западных художников оказались в Музее изящных искусств (ныне ГМИИ им. Пушкина)²³. В Тамбовской губернии в августе 1919 г. эмиссар К.П. Сперанский спас из покинутой усадьбы Барятинских Мара 96 пакетов с бумагами Антона Дельвига, в том числе имеющее большое значение письмо Пушкина, датированное 1827 г.²⁴

Иногда московские эмиссары обнаруживали, что местные власти проявляют должную заботу об усадьбе, намереваясь создать там музей; в таких случаях вывозились лишь отдельные уникальные предметы. Во время пребывания в Петровском Мамуровский сделал крюк для осмотра ближайшей усадьбы Мусиных-Пушкиных Борисоглеб (ныне затопленной Рыбинским водохранилищем). Он нашёл, что управляющий (бывший пастух) уже сделал музеем громадный стокомнатный дом; в результате Мамуровский вывез только портрет В.А. Мусина-Пушкина работы Брюллова, написанный в 1838 г. Однако, этот музей, подобно другим аналогичным попыткам в глубинке, прекратил своё существование в 1921 г., частично из-за того, что музеи Ярославля и Рыбинска потребовали своей доли из бесхозного имущества Мусиных-Пушкиных²⁵.

Упорная борьба за ценности была достаточно частым явлением в это нестабильное время. Например, во Владимирской губернии пока местные власти вели дебаты относительно дальнейшей судьбы ценностей усадьбы Воронцовых Андреевское, из Москвы приехали эмиссары с целью каталогизации и вывоза лучших предметов. Однако в день, когда они приехали в усадьбу для того, чтобы вывести эти предметы, уже «упакованные и опечатанные, собравшиеся местные крестьяне заявили, что они ничего вывести из усадьбы не позволяют. Поскольку «толпа была возбуждена», всё было оставлено на месте»²⁶. В течение нескольких лет Владимирский музейный отдел планировал открыть в Андреевском му-

зей-усадыбу, но денег для этого не нашлось, и, наконец, в 1921 г. 500 предметов из Андреевского было вывезено и передано Владимирскому музею.

Усадебные ценности — золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг — обычно помещались в центральную кладовую Гохрана в Москве. Из этих конфискованных предметов немногие, имеющие историческое значение, оказались в Оружейной Палате Кремля или в Историческом музее; остальные продолжали пребывать в государственной сокровищнице. Такова была судьба серебра Кочубея из Диканьки. Граф В.С. Кочубей перед революцией поместил все семейные ценности в Харьковский банк, надеясь забрать их, когда положение успокоится. В апреле 1918-го золото и ценности были отправлены в Москву; серебро последовало за ними в 1919 г., и, в конце концов, большая часть предметов были расплавлены²⁷. М.Я. Ларсонс, «буржуазный эксперт» с точки зрения тогдашних советских властей, видел внутренности Гохрана: запертые помещения, где рабочие сортировали драгоценности и разбирали их на части к концу дня, другая комната, где с икон и религиозных книг сдиралось серебро («беззаконный вандализм» в глазах Ларсонса) и большая комната, заполненная серебром до самого потолка²⁸. В 1923 г. «главной задачей Монетного двора была переплавка всего серебра, поступающего из Москвы и находящегося в Петербурге, в слитки чистого серебра». Ларсонс участвовал в одном из многочисленных споров между сотрудниками Гохрана и музейными работниками, пытавшимися спасти от переплавки 6 серебряных канделябров из усадебной церкви в Филях²⁹.

Не удивительно, что в 1918-1920 гг. перед угрозой приближающегося голода в центральных губерниях опустошённой войной России ценности из усадеб и местных хранилищ разворовывались, и население пыталось использовать их для обмена на продовольствие. В мае 1918 г. эмиссары, отправленные в Марьино (находящееся под угрозой немецкого вторжения), сообщили, что «пьяные солдаты и местные крестьяне полностью опустошили дворец. Комната, где находились ценности, разграблена, украдено золотых монет на сумму около десяти миллиона рублей»³⁰. В Брасове Орловской губернии, усадьбе великого князя Михаила Александровича, местное население отказалось расстаться с большим количеством серебра из главного дома до тех пор, пока им не компенсируют его вагоном зерна³¹. Людмила Иванова описывает важный информативный источник — «Регистрационную книгу передачи предметов из крупнейших усадеб в музей» из архива П.Н. Миллера (ныне в архиве ГИМ)³². Эта книга фиксирует поступления из 125 усадеб в двенадцати губерниях, лучше всего представлена Московская губерния. Вывоз имел место в период от 29 сентября 1918 г. по 9 ноября 1922 г.; были задействованы 12 эмиссаров, среди них такие выдающиеся фигуры, как Мамуровский, А.И. Анисимов и П.С. Шереметев. Вывезенные предметы в Москве часто оказывались в помещениях Госмузейфонда: бывшем Английском Клубе на Тверском бульваре и особняке Зубалова на Садово-Черногорской. Крупные усадебные архивы и библиотеки чаще всего передавались в Румянцевский музей. Записи в журнале Миллера поверхностны, но Иванова полагает, что в некоторых случаях можно отыскать в других архивах более детальные инвентаризационные описи.

Одна подобная опись из Владимирского областного архива, касающаяся фамильной владимирской усадьбы Уваровых Карачарова, проанализирована Сусанной Смит. Вывозить ценности из Карачарова сначала запретила местная коммуна, которая после ряда трудностей распалась в 1924 г., и ценности из усадьбы ушли, главным образом, в Муромский уездный музей³³. Смит следующим образом описывает инвентаризационный перечень: «Перечисление комнаты за комнатой, ящика за ящиком (заполняют) почти 60 страниц, в среднем 40 предметов на странице; тысячи предметов внесено в список. Некоторые предметы взяты местными жителями и организациями, такими как Партийный комитет Карачарова и земельные комитеты, но большинство предназначено «для музея», в данном случае, уездного музея Мурома; большинство отправленных в музей предметов происходит из помещений двух первых этажей, т.е. из жилых комнат.: картины, картины, резные и полированные предметы, стекло и т.д.; другими словами, это были предметы роскоши, особенно рядом с простой мебелью и кухонной утварью»³⁴.

Согласно Смит, музей в Муроме до этого непредвиденного счастья располагался в одной комнате, где была только флора и фауна, собранная местными энтузиастами. Коллекции многих провинциальных и уездных музеев также значительно пополнились произведениями искусства и мебелью из усадеб. Суздальский исторический музей приобрёл 55 выдающихся образцов мебели XVIII века из усадьбы Воронцовых Андреевское. Благодаря недавним поискам обнаружены описания некоторых из них в двух усадебных инвентаризационных перечнях 1785 и 1805 гг., и это является редкой удачей³⁵. Составленные эмиссарами списки дают только приблизительное представление о том, что вывезено и куда первоначально вывезено из данной усадьбы. Например, из Хмелиты (Смоленская губерния) в 1919 г. более 20 картин было отправлено в Английский клуб в Москве или в Вязьму, а усадебная библиотека уехала в Румянцевский музей. В июле 1919 г. из усадьбы Паниных Дугино, вблизи Хмелиты, 286 книг были переправлены в библиотеку Московского университета, три картины переданы в Госмузейфонд и 50 предметов исторической ценности ушли в Румянцевский музей. Из Диканьки Кочубеев в марте 1919 г. в Полтаву отправлено 195 картин. Вслед за ними через неделю последовали 33 фарфоровых предмета, 72 образца старинного оружия и 33 книги по искусству. Затем эмиссары обнаружили секретную дверь за портретом в кабинете графа, ведущую в подвал, переполненный дополнительными сокровищами: 50 картин, 70 серебряных и бронзовых изделий, 300 образцов фарфора, мебель, религиозные предметы и архив Кочубеев. Большинство этих вещей нашло своё место в Полтавском музее. В октябре 1919 г. главный дом сгорел до основания³⁶.

Как видно по этим примерам проблема в том, что, за исключением некоторых картин, вывозимые предметы просто указывались численно и по категориям, и просто невозможно приписать их к определённому из ныне существующих музеев. Между 1918 и 1924 гг. громадное число экспроприированных предметов наводило российские музеи, и это было не по силам их персоналу. Из музеев Кремля было передано более мелким музеям большое количество ценнос-

тей без всяких описей; подчас их даже не распаковывали и, следовательно, ничего нельзя сказать, насколько всё это было повреждено или разворовано. Процесс регистрации и вывоза в некоторых случаях затягивался на годы. В конце 1922 г. Владимирский музей всё ещё трудился над регистрацией предметов из семи усадеб³⁷.

Усадьбы, находящиеся в регионах, которым угрожало немецкое вторжение, подвергались особенно серьёзному риску. В Марьино, изысканную курскую усадьбу Бяратинских, обладающую чрезвычайно ценной коллекцией произведений искусства, был направлен компетентнейший эмиссар А.В. Грищенко; 6 июля он послал в Москву детальный отчёт о своих находках. По его словам Марьино дважды подвергалось разгрому; золото и серебро было украдено, картины порезаны, мебель разбита. Тем не менее, в 180 помещениях усадьбы находились 400 картин «различных достоинств и школ ... 50 высокого качества», которые Грищенко старательно перечислил на следующих трёх страницах своего отчёта. Дипломатично ведя переговоры с волостным Советом, который имел свои собственные планы относительно находящихся в Марьино ценностей, Грищенко предложил Совету послать своих людей в Москву с отчётом, в котором он писал, что Москва должна выдать охранную грамоту для того, чтобы предотвратить распродажу предметов искусства из усадебного дома и выдать волостным представителям 6 тыс. руб. на его охрану³⁸.

В конце концов, Курский музей получил из Марьино 92 картины, 64 фарфоровых, 35 бронзовых и 22 терракотовых предметов, а также 17 единиц мебели. Более сотни других картин были поделены между Третьяковской галереей (40), Румянцевский музеем (27), хранилищем в особняке Зубалова (47) и Английским клубом (13). Исторический музей приобрёл 90 серебряных изделий исторической значимости, 13 миниатюр, 22 фарфоровых и 29 бронзовых предмета. Библиотека Марьино, содержавшая более 15 тыс. томов, наряду с 1 628 акварелями, гравюрами и репродукциями, 16 ковров, gobеленов и тканей, 29 предметов мебели и архив Бяратинских были отправлены в Румянцевский музей в Москву³⁹.

Усадьба Уваровых Поречье вблизи Можайска обладала коллекцией древностей музейного достоинства, которую местные власти сначала отказывались отдать. За период с 1918 по 1925 г. подавляющее большинство — более 400 ящиков — были вывезены, большей частью, в Исторический музей, получивший 71 картину и 50 миниатюр, а также большую коллекцию саркофагов и прочих древностей из частного музея Уварова⁴⁰. Мебель и обстановка из Поречья, как и из других соседних усадеб, была отдана во вновь созданный музей Ново-Иерусалимского монастыря⁴¹.

Наряду с такими триумфами эмиссаров имела место и внушительная утрата усадебных сокровищ (помимо гибели главных домов и подсобных строений) за этот период. Важным источником является архивный документ, датированный концом 1923 г., где подводится итог вывозам из 455 усадеб в тридцати губерниях, наряду с краткой информацией о состоянии самих усадеб⁴². Из этого документа видно, что даже в Московской губернии эмиссары смогли посетить менее одной четверти усадеб. В некоторых губерниях были обследованы всего лишь десятки,

и даже менее, усадеб; в других от двадцати до сорока семи; возглавляют список Тульская губерния (47), Тамбовская (38) и Смоленская (36). Другими словами, громадное число усадебных коллекций и архивов вообще не было удостоено вниманием. Половина обследованных усадеб были в 1923 г. в плохом состоянии. В семнадцати усадьбах ценностей не обнаружилось. Неизвестна судьба 6 000 томов библиотека на восточных языках из усадьбы Ухтомских Корсунское, в Орловской губернии; исчезли громадные коллекции из усадьбы Куракина Казацкое, в Киевской губернии, как и произведения искусства и библиотека из Отрадина, усадьба Орловых в Саратовской губернии⁴³.

С первых лет Советской власти до настоящего времени произошло бесчисленное множество дальнейших утрат. Е. Кончин свидетельствует, что исчез ряд картин из Марьино, указанных в инвентаризационных списках, в том числе, портрет Е.П. Голштейн-Бек работы Жана-Луи Вуайе и портрет В.И. Бяратинского работы В. Гау⁴⁴. Тайны бесчисленны (возможно, они опираются на всё ещё циркулирующие слухи о спрятанных в ряде усадеб сокровищах). В 1918 г. известная икона, по преданию принадлежавшая Прокопию Ляпунову, была привезена в Москву из рязанской усадьбы Ляпуновых Исады вблизи Спасска. Но через год, в июле 1919 г., эмиссар С.А. Стороженко был послан в Исады с заданием найти знаменитую икону; привезённая в прошлом году оказалась списком. Результат этой поездки неизвестен, как неизвестно и нынешнее местонахождение иконы⁴⁵. В усадьбе Чичериных Караул, тщательно обследованной в 1919 г., на стене спальни жены Бориса Николаевича Чичерина (умершей в Тамбове в 1920 г.) висели миниатюры Боровиковского. Одна из них впоследствии всплыла в частной коллекции в Тамбове. Владелец заявил, что получил её от некой старухи, якобы нашедшей миниатюру в груде мусора⁴⁶.

Усадебные библиотеки и архивы и утрата исторической памяти

В 1918-1920 гг. около 400 частных библиотек из городских особняков и сельских усадеб прибыли в Румянцевский музей, количество книг в котором превысило 3 млн.⁴⁷ Громадное количество произведений искусства, книг и манускриптов, успешно спасённых и доставленных эмиссарами в хранилища, следует сравнить с внушительными утратами за первые годы советского режима. Каждая усадьба, большая или малая, если и не обладала старыми или редкими книгами, то имела, по меньшей мере, груды семейных писем, документы, альбомы и дневники; среди них были записные книжки с сельскохозяйственными заметками, итоговыми расчётами продаж и покупок, иногда погодными записями и т.д. Некоторые из этих фамильных архивов содержали в себе историю старейших и славнейших семей России, другие были более скромными. В целом, они были бесценным источником материала для изучения истории русской провинции.

Ярким примером является семейный архив, изученный в начале марта 1918 г. Александром Лютером, молодым офицером, вернувшимся в свою родовую усадьбу Лютаревы, около Рыбинска в Ярославской губернии. Пока местный крестьянский комитет решал судьбу Лютаревы и соседней усадьбы Кладисевых

Благовещенское, Александр погрузился в изучения содержимого книжных шкафов Лютарева. Его дневниковые записи отражают всё возрастающее волнение по мере открытия источников истории собственной семьи, которую он собирался писать. 13 марта: «Я нахожу интересные документы, дневники и планы... Среди бумаг я нашёл «Церковь в Лютарева» с иллюстрациями; стало ясно, что это написал мой отец». 17 (2 часа ночи!) он пишет, что его «раскопки»... увенчались успехом — я нашёл массу бумаг, писем и целую книгу толщиной в аршин: записную книжку со стихами... Какой восторг — выкопать клад, подобный этому, и ощутить, что мир не только не знал о его существовании, но даже и не подозревал... Я также нашёл книгу об Анне Григорьевне Хомутовой (Мордовцева) — теперь я ищу его книгу 1812 со сведениями о Сергее Григорьевиче... В хаосе книг (который я кое-как привожу в порядок) есть и книги шестнадцатого века. Многие удивительно интересны — редкие, рукописные... Какое богатство! Груда исторических книг, целиком Русская старина, Русский архив, Исторический вестник, альбомы по искусству [со времён] Екатерины и Павла. Миллионы стихов и книг об искусстве. Есть также русские поэты, о которых я никогда не слышал»⁴⁸.

Александр собирался перевести этот клад в Ярославль; удалось ли ему — неизвестно. У него не было иллюзий относительно большевиков. После проведённого в Благовещенском вечера он писал: «Я не могу выбросить из головы эту комнату с высоким потолком, которой более двухсот лет; там камин, пианино, часы, паркет, кошка, тёмные окна, бронза, канделябры и зеркала... Возможно ли, что эти варвары, которые завтра собираются воровать картофель, скот и т.п., уничтожат этот дом?»⁴⁹

Писатель Максим Горький был одним из многих интеллектуалов, кто, симпатизируя революции, приходил в ужас при виде разрушений, которые она принесла с собой. В феврале 1919 г. он обратился к народному комиссару просвещения А. Луначарскому с просьбой о скорейшей эвакуации находящихся под угрозой архивов и библиотек из 17 усадеб Орловской губернии; одновременно он просил указать людей, которые могли выполнить это, а также составить список усадеб Рязанской и Симбирской губерний, которым угрожала такая же опасность. Прямым результатом этого письма стала поездка неутомимого Мамуровского в Куракино, родовую усадьбу «брильянтового князя» Александра Б. Куракина, где он всё нашёл в полном порядке вследствие её охраны местными крестьянами. То же было в усадьбе Новосильцевых, но в третьей усадьбе библиотека была полностью уничтожена⁵⁰. Благодаря Мамуровскому, сразу же вывезшему ряд ценнейших картин из Куракина, знаменитый портрет «брильянтового князя» работы Боровиковского был благополучно доставлен в Москву и находился в Третьяковской галерее в то время, когда нацисты сравнивали с землёй города и деревни Орловщины в период Второй мировой войны. Однако, эмиссары вернулись слишком поздно и не смогли спасти библиотеку.

Усадебные музеи 1920-х годов

Уже сказано, что во время революции некоторые знаменитые усадьбы уже были музеями, среди них Остафьево и Поречье; другие, как Кусково, Останки-

но и Архангельское обладали коллекциями музейного значения. Мысль о том, что лучше сделать некоторые выдающиеся усадьбы в отдалённых регионах местными музеями, а не опустошать их, само собой возникла в ряде провинций как в среде музейных профессионалов, так и у властей, в распоряжении которых они оказались. Большинство подобных попыток, предпринятых колхозами и коммунарами, быстро потерпели неудачу. Однако, в 1918-1925 гг. существовало 19 усадебных музеев, большинство в Московской губернии. К числу лучших принадлежали музеи в Ольгове, бывшей усадьбе Апраксиных, и Остафьево, усадьбе Вяземских. В Ольгове находились коллекции, собранные четырьмя поколениями Апраксиных; Остафьево было куплено С.Д. Шереметевым в конце XIX в. и стало музеем, посвящённым великим писателям, которые здесь жили и работали, среди них поэт Пётр Вяземский, его друг Александр Пушкин и его опекун Николай Карамзин. В 1919 г. из тамбовского Караула эмиссар Н.Н. Лебедев вывез ценные картины, такие как портрет Бориса Н. Чичерина работы В. Серова и несколько портретов работы В. Тропинина. Второй раунд отбора для Тамбовского музея произошёл в 1921 г., и всё-таки в усадьбе осталось достаточно ценностей для того, чтобы в 1923 г. открыть небольшой музей в четырёх комнатах второго этажа⁵¹. Общество Изучения Русской Усадьбы, основанное в 1921 г. и, в основном, объединявшее искусствоведов и знатоков, играло ведущую роль в создании этих и других усадебных музеев, издавало путеводители и организовывало экскурсии.

Приход к власти Сталина положил конец сравнительно толерантному отношению к усадебной культуре как историческому феномену, характерному для периода НЭПа. В 1925-1929 гг. фактически все эти музеи были закрыты, здания переданы общественным организациям или местным властям; ценности были распределены среди различных художественных и исторических музеев или предназначены для продажи за границу. К 1929 г. большинство членов ОИРУ были арестованы и отправлены в ГУЛАГ. По мнению большинства современных учёных этим был нанесён смертоносный удар остаткам усадебной культуры в России. Последние оставшиеся в личной собственности усадебные коллекции и архивы отныне были окончательно разрознены. Музей в Остафьево одним из последних был закрыт в марте 1930 г. постановлением Московского Совета; решение спорное, но окончательное. Экспонаты были переданы в ряд других музеев, книги и архивы — в библиотеку имени Ленина⁵². Сергей Шереметев, сын Павла, и его семья были вынуждены покинуть музей, взяв с собой лишь некоторые семейные предметы. Они перебрались в маленькое помещение в одной из башен Новодевичьего Монастыря, где во время войны П.С. Шереметев умер.

Экспорт усадебных ценностей

По мере того, как красные завоёвывали центральную Россию и продвигались на юг, многочисленные усадьбы Крымского полуострова, или «Русской Ривьеры», как его называли современники, стали приютом для большого числа бывших владельцев усадеб на севере, лишённых своей собственности; среди них были Владимир Набоков и его семья. Хотя части Крыма неоднократно пере-

ходили из рук в руки в 1919-1920 гг., дореволюционные прибрежные чудеса — царские дворцы в Ливадии, Дульбере, Ореанде и роскошные усадьбы в Алушке, Гаспре, Мухалатке были сравнительно сохранены до ноября 1920 г., когда красные окончательно вытеснили остатки Белой Армии. В последующие месяцы местные власти, по примеру России и Украины, прилагали героические усилия для спасения ценностей дворцов и усадеб от воровства и уничтожения в условиях голода и холода. Были созданы музеи в Ливадии, Алушке, усадьбе Бухарского эмира, Мисхоре, Новом Кучук-Кое и Сильбиляре⁵³.

Спустя десять лет сохранился только музей в Ливадии. В 1920-х гг. все выдающиеся крымские усадьбы были очищены от ценностей, предназначенных для экспорта за границу; сами усадьбы стали санаториями или домами отдыха партийного официоза. Уже 7 февраля 1921 г. все крымские города были извещены телеграммой, что с Великобританией заключено торговое соглашение, и вследствие этого экспертные комиссии направляются из Симферополя для оценки и изъятия ценностей для Внешторга и «Антикварного экспортного фонда». По иронии судьбы, тем же самым людям, которые спасли сокровища Крыма, предписывалось составить их опись для продажи за границу, оставив некоторое число для музейной экспозиции⁵⁴. Отдавая отчёт в сомнительности предприятия, телеграмма приказывала крымским «ударникам» выполнить работу, по возможности, в кратчайший срок и подготовить ценности к отправке под видом «сырья». Бесценные коллекции и мебель Мухалатки, монументального белого дворца Кокорева (чрезвычайно напоминающего Ливадию), построенного в 1909 г., были вывезены в течение нескольких месяцев «различными представителями центральных и местных властей, соперничавших друг с другом»⁵⁵. Бесполезным оказался протест местного революционного комитета против вывоза одним только товарищем Сильвестром 17 ящиков ценностей; революционный комитет настаивал, что «собственность должна остаться жителям Мухалатки, работавшим на своего эксплуататора Кокорева во время строительства дворца». Ящики из Мухалатки были временно складированы в Алушке и затем присоединились к сотням других, доставленных из всех усадеб Южного побережья Крыма и предназначенных к отгрузке за границу; их содержимое было продано по абсурдно низким ценам⁵⁶.

Кого можно или должно упрекнуть за безграничное опустошение и гибель провинциальных богатств дореволюционной России в 1917-1930 гг.? В своих доперестроечных работах Е. Кончин, превознося намерения и политику Ленина, возлагал на противников большевиков — эсеров, сторонников Петлюры, немецкие войска — львиную долю ответственности за бедствия в сельских местностях. Анна Галиченко, описывая крымский опыт в 1992 г., занимает противоположную позицию, прямо обвиняя в разграблении крымских дворцов большевистских политиков и самого Ленина, вопреки попыткам местных большевиков остановить «воровство»⁵⁷. Статьи Александра Мосякина идут дальше, приписывая Ленину и его ближайшему окружению большую степень цинизма и жестокости, ибо национальное богатство России было в их глазах просто «старинными безделушками», которые они решили продать уже в 1920 г.⁵⁸

В этом горестном рассказе о разрушениях и утратах наиболее очевидными жертвами явились бывшие владельцы усадеб. Россия также обеднела и анналы её культурной и социальной истории повествуют о громадных потерях. В понятном языке оказались государственные музеи (особенно провинциальные) и само правительство. Александр Мосякин отметил в 1992 г.: «Без преувеличения можно сказать, что никогда в истории не концентрировалось в руках одного государства таких колоссальных культурных и материальных богатств, изъятых из общества, с которыми оно могло делать всё, что заблагорассудится... Что же они сделали с ними? [мой курсив — П.Р.]⁵⁹ Без сомнения, что в начале 1920-х гг. советское правительство использовало фонды для борьбы с голодом, снабжения сельского хозяйства машинами и в целях индустриализации. Можно спорить, не было ли иного выбора (советская валюта не имела ценности за границей), но экспорт части громадных запасов драгоценных металлов и ювелирных изделий Гохрана, частично происходивших от усадебных экспроприаций, в шведские банки как обеспечение за товары и сырьё, был необходим для восстановления разрушенной страны. Неизбежным в условиях экономической неустойчивости было и решение о продаже части конфискованной церковной собственности ради приобретения валютных запасов. Но, как отмечает Ларсонс, процесс продажи был вынужден протекать скрытно и непродуктивно. Первый аукцион русских богатств в Берлине в 1925 г. был резко прекращён из-за страха перед «нежелательными инцидентами» — эмигранты могли предъявить свидетельства своей собственности и потребовать её возврата. В конце концов, операции производились втихую, небольшими партиями и за незначительную цену, «розничная продажа, без плана и метода, отдельным торговцам старинной и заинтересованным группам... Предметы никогда не были каталогизированы и описаны, а, значит, утрачены для научных целей»⁶⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Неизвестно точное число русских усадеб, существовавших до 1917 г. Профессор Дмитрий Швидковский, крупнейший историк архитектуры, сказал мне, что, согласно его подсчётам, перед революцией было приблизительно 40 000 усадеб в пятидесяти губерниях императорской России. Последняя глава книги: Л.В. Иванова, Ю.А. Тихонов и Л.Е. Бодарский (изд.) *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.* (М., 2001), посвящённая судьбам усадеб после 1917 года, приводит ту же цифру. Число колеблется от местоположения. Любая центральная губерния имела от тысячи до двух тысяч усадеб, но в некоторых более мелких и отдалённых их было меньше. Например, Московская губерния имела 1 912 усадеб, Тамбовская — 1 273 и Тверская 1 344 (То же, с. 564-65).

2. Глубокая благодарность Сусанне Смит за предоставление мне списка архивных материалов из Владимирского областного архива, который она использовала для своей докторской диссертации «Музейные практики и взгляды местного населения в русском провинциальном городе, 1898-1935». (Неопубликованная докторская диссертация, Вашингтонский университет, 2005). Из них видно, что большое число документов о судьбе усадьбы Уваровых Карачарово и усадьбы Воронцовых-Дашковых имеется в архивах.

3. См. последние записи Елизаветы Вяземской (жены князя Бориса) в кн.: Князь Борис Вяземский. Лотарёво 1912-1917: Письма и заметки русского помещика. Пер. Ирины Багратион. Неопубликованная рукопись, с. 84-91.
4. Лукояновский уезд Нижегородской губернии имел 73 усадьбы, из которых 53 были сожжены или разрушены в ноябре-декабре 1917 г. (Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 564-65).
5. См.: Евграф Кончин. Эмиссары восемнадцатого года. М., 1981. С. 11-14. Автор цитирует статью Луначарского «Сохранить народное богатство»: «Народные массы, оторванные от образования и красоты, часто не в состоянии понять ценность таких произведений человеческого труда и разрушают их. Частично эти чрезвычайно интересные вещи вызывают ярость, полностью объяснимую отношением к недавним владельцам этих вещей». В другой статье Е. Кончин писал: «Мы знаем о некоторых сожжённых замечательных усадьбах, разорённых библиотеках, уничтоженных коллекциях и т.д. Но, конечно, каждый должен знать, что великий переворот, такой как революция, не может не сопровождаться отдельными эксцессами... У нас это зло носило временный характер, оно продолжалась до тех пор... пока новая власть не обрела силу. Отдел Охраны Памятников Старины и Произведений Искусства со своими агентами, при помощи интеллигентных крестьян и рабочих, как зеницу ока бережёт народное достояние — художественные сокровища». (То же, с. 11-12).
6. Александр Москин. Антикварный экспортный фонд: антология документов и фактов // Наше наследие, 2, № 20 (1991), с. 31.
7. Дворянская и купеческая усадьба, с. 563.
8. То же, с. 563-64.
9. То же.
10. Николай Волков-Муромцев в своих воспоминаниях свидетельствует, что, несмотря на присутствие большевиков, в Хмелите около Вязьмы (Смоленская губерния) и в провинциальном городе Вологде было спокойно в конце лета 1918 г. См.: Волков-Муромцев Н. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris: YMCA Press, 1983. С. 131-134.
11. См. воспоминания А.А. Григорова «Из истории костромского дворянства». Кострома, 1993. С. 383-85.
12. Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 566.
13. То же, с. 570-71.
14. После сентября, когда семья Ленина переехала в Горки, интерьер не претерпел изменений до 1949 г., когда там был открыт музей Ленина, и различные предметы были переданы в другие хранилища (Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 573).
15. А.Г. Тимофеев. Моя малая родина — Муханки // Григоровский сборник. Москва, 1997. Цит. по: Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 574.
16. Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 577.
17. См.: Smith. Museum Practices, pp. 246-247.
18. Евграф Кончин. Революцией призванные. М., 1988. С. 88.
19. Иногда местные советские органы отказывали Отделу Музеев, как было в случае Лопасни Н.А. Гончарова и Братцева К.Е. Цинна. См.: Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 582.

20. Дальняя родственница и наследница Тургеневых; её дом в Орле стал музеем Тургенева. См.: Е. Кончин. Указ. соч. С. 56-68.
21. По моему мнению, их работа лучше всего передана в двух книгах Евграфа Кончина: Эмиссары восемнадцатого года (М., 1981) и Революцией призванные (М., 1988).
22. Е. Кончин. Революцией призванные, с. 39.
23. То же, с. 15-21.
24. То же, с. 182.
25. То же, с. 9-15.
26. S. Smith. Museum Practices, p. 216.
27. Е. Кончин. Революцией призванные, с. 101-105.
28. M.J. Larsons. An Expert in the Service of the Soviets, trans. by Dr. Angelo S. Rappoport (London: Ernest Benn, 1929), p. 79.
29. Ibid., p. 74.
30. Е. Кончин. Эмиссары восемнадцатого года, с. 15.
31. В одном архивном документе содержится требование десяти вагонов; в конце концов, возможно, благодаря личному вмешательству Ленина они получили один. (Е. Кончин. Эмиссары восемнадцатого года, с. 88-94).
32. Л. Иванова. Вывоз из усадеб художественных ценностей // Памятники отечества, 25 (1992), с. 71-75. (Архивный Отдел Государственного Исторического Музея (далее ОПИ ГИМ), ф. 134 (архив Миллера), ед. хр. 185, с. 1-37).
33. Там же, с. 218.
34. Susan N. Smith. Expropriation as Class War and the Development Vladimir Provincial Museum (неопубликованная статья), с. 1. (Инвентарный список находится в Государственном архиве Владимирской области (ГВАО), ф. р - 1826, оп. 1, ед. хр. 1, л. 290-319).
35. Л.Л. Семенкова. Усадебная мебель XVIII века в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Материалы Исследований. Гос. Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир, 1996. С. 65-72). Аналогичным редким примером является овальный стол и стулья начала XIX в. в Ярославском историческом музее, выполненные дворовыми мастерами в усадьбе Данилово. Куратор выставки изысканной провинциальной мебели в Царицыне в 1994 г. напротив, сказала мне, что о происхождении экспонатов ничего неизвестно. Она полагает, что Царицыно в своё время было хранилищем конфискованных усадебных ценностей. Относительно отсутствия источников о происхождении усадебных портретов в провинциальных музеях см.: А.В. Чекарёв. Забытые лица. К изучению усадебных портретных галерей // Русская усадьба, 8 (24) (2002), с. 477-92.
36. Е. Кончин. Революцией призванные, с. 116-18.
37. Smith. Museum Practices, p. 229.
38. Е. Кончин. Эмиссары восемнадцатого года, с. 55-57.
39. Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 586-587. Среди этих фарфоровых предметов может быть ваза, находящаяся ныне в коллекции музея в Хиллуде (Вашингтон).
40. То же, с. 583-84.

41. То же, с. 588.
 42. ОПИ ГИМ, ф. 54, ед. хр. 375, л. 139-201. Цит. по: Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 585-86.
 43. Дворянская и купеческая сельская усадьба, с. 589.
 44. Е. Кончин. Эмиссары восемнадцатого года, с. 135.
 45. Е. Кончин. Революцией призванные, с. 224.
 46. То же, с. 126-40.
 47. То же, с. 82.
 48. А. Лютер. Дневник офицера // Памятники Отечества, 25 (1992), с. 161-62.
 49. То же, с. 158.
 50. Е. Кончин. Революцией призванные, с. 72-76.
 51. То же, с. 126-40.
 52. Среди музеев, в которых находятся предметы из Остафьева можно назвать Останкино, Серпуховский исторический музей, Музей Пушкина в Петербурге, Музей Пушкина в Москве, Музей Тропинина, Музей-усадьба Архангельское и Государственный Исторический музей. См.: Н.К. Квятковская. Остафьево (М., 1990), с. 237-57.
 53. Анна А.Галиченко. Мухалатка // Дворянские гнёзда России: история, культура, архитектура. М., 2000. С. 315.
 54. То же, с. 316.
 55. То же, с. 315.
 56. То же.
 57. То же, с. 316-17.
 58. Александр Мосякин. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие, 2, № 20 (1991), с. 32-33; 3, № 21 (1991), с. 35-48.
 59. А. Мосякин. Антикварный экспортный фонд // То же, 3, № 21 (1992), с. 42.
 60. Larsons. An Expert in the Service of the Soviets, pp. 162-63.

Перевод с английского канд. филолог. наук В.И. Новикова

М.В. Нащокина

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ УСАДЕБНОГО НАСЛЕДИЯ ПОДМОСКОВЬЯ

Нельзя сказать, что эта тема является для нашей культуры новой, однако каждое время, по крайней мере, в последние сто с лишним лет вносит в нее свою специфику и свои проблемы. В данном случае речь пойдет о последних 15-и годах, которые у всех в памяти. Что же изменилось за это время, какие вопросы решить удалось, какие проблемы обострились, а какие оказались решены? Начнём по порядку.

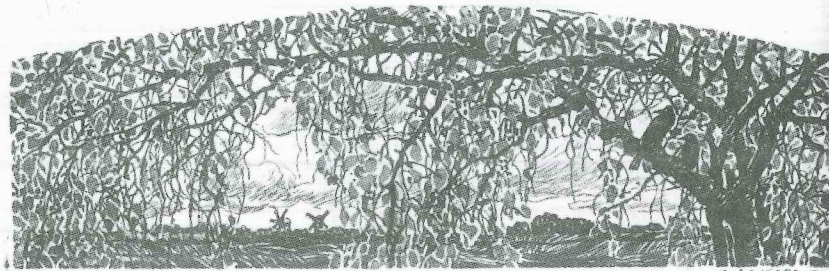
Выявление, натурная фиксация и мониторинг состояния памятников усадебного наследия

Хотя подмосковные усадьбы изначально, то есть с рубежа XIX-XX веков относятся к числу наиболее известных, казалось бы, их каталогизация и изучение давно завершены. Однако это не далеко так. На слуху и на виду долгое время оставались только самые выдающиеся усадьбы, такие как Архангельское, Кузьминки, Марфино, Никольское-Урюпино, Остафьево и т.д. Масштабы же усадебного наследия в целом, включая памятники второй половины XIX — начала XX веков, фактически, были неизвестны даже специалистам до самого последнего времени. И виной тому не только идеологические или вкусовые причины (период эклектики и модерна большую часть XX века считался периодом упадка всех искусств, что вполне отвечало и идеологической концепции государства, возникшего на основе Российской империи). Как мы знаем, этих поздних построек и ансамблей почти нет и в материалах Свода памятников СССР, которые по Подмоскovie создавались ещё в 1970-х гг. В перечни вошли только памятники XVII — первой половины XIX века, причем и они не все; сооружения в отдаленных местах области, труднодоступные или совсем неизученные остались за границами свода.

Сейчас можно с удовлетворением сказать, что за последние 15 лет, причем в первую очередь усилиями членов Общества изучения русской усадьбы, эта проблема была решена. Достаточно назвать такие известные справочные издания, как книга А.И. Фролова «Усадьбы Подмоскovie» (М., 2003), очень полно охватившая все подмосковные усадьбы, которые когда-либо упоминались в литературе XIX-XX веков, и путеводитель А.Б. Чижкова «Подмосковные усадьбы сегодня» (2-е изд., М., 2002), кратко зафиксировавший наличие и состояние всех усадеб Московской области, от которых остались видимые следы на начало XXI века. В эти книги в общей сложности попало более 3,5 тысяч усадеб, и, думается, эта цифра примерно соответствует исторической реальности. Так что зада-

Л.В. Рассказова

«ЦВЕТЫ, ПОЛЯ, ДЕРЕВНЯ, ПРАЗДНОСТЬ». Топос сельской и городской дворянской усадьбы

Хронологической точкой отсчёта, определяющей размежевание и одновременно возможность сопоставления сельской и городской дворянской усадьбы можно принять конец XVIII века. Ещё в середине XIX века в одном из исследований городской жизни в России справедливо отмечалось: «Город в том значении, которое соединяется с этим словом в настоящее время, является у нас не ранее 1785 года»¹, т. е. с утверждения городской реформы. Почти с этого же времени, с «Жалованной грамоты русскому дворянству» начинается и усадьбная жизнь в России такая, какой мы её сейчас воспринимаем. Таким образом, исторический опыт жизни в обоих типах поселений в России вполне сопоставим.

Усадьба — особым образом организованное место-пространство, «автономная ячейка любого жилого образования». Стало почти трюизмом утверждение, что «усадьба — колыбель большинства русских гениев».² Конкретные примеры каждый может привести сам. Попробую дать один из возможных ответов на вопрос о причинах «урожая гениев» на усадьбной ниве.

Городская дворянская усадьба, в отличие от сельской, не является самостоятельным феноменом, в то время как вторая, кроме автономного существования, могла стать и градообразующим фактором, и войти в городскую черту в результате расширения границ. Как известно, главным признаком сельской дворянской усадьбы является достаточно развёрнутый хозяйственно-производственный комплекс. В городской усадьбе он, как правило, редуцирован до построек, обеспечивающих не производство, а сохранение произведённого в сельской усадьбе и привезённого в город для употребления: конюшни, погреба (с ледником), дровяные и каретный сараи. Размеры территории не являются решающим фактором, отличающим городскую усадьбу от сельской, как и наличие парка или сада. Создание городской усадьбы определялось её нахождением в рамках относительно организованной застройки, хотя первоначально весьма вольной и неупорядоченной.

После реформы 1861 года часть сельских усадеб была преобразована в дачи, отличительным структурно-пространственным признаком которых является, прежде всего, отсутствие самостоятельного хозяйства. Это досуговое жилое образование в чистом виде, с полным устранением от производственной деятельности. Кроме того, усадьба — это, как правило, собственность семьи, а то и рода, т.е. нескольких поколений. Дача — это чужая собственность, снятая на лето. Как писал барон Н.Н. Врангель в начале XX века, «жизнь в деревне перестала быть жизнью на века, а лишь переходным этапом, летним отдохновени-

ем». ³ Ещё Ф.Ф. Вигель на самой заре дачной жизни характеризовал её как несвободную, стеснённую. Он пишет о дачах нового времени, уже почти в пределах городской черты: «Ныне, в самом Царском Селе, в Павловском, в Петергофе или на островах, поближе к Каменному и Елагину дворцам, русская знать в хороших, разубранных уютных дачках гнездится, жмётся, как дворян в людских». ⁴ Таким образом, затеснённость — это ещё и социальный маркер.

Во второй половине и конце XIX века в восприятии современников отчётливо сохранялось противопоставление городской и сельской усадебной жизни, как, впрочем, и усадебной и дачной жизни в сельской местности. Но последняя антиномия — тема для другой статьи. Каковы же критерии противоположности городской и сельской усадебной жизни?

Первое, что приходит на ум, — сопоставление городской занятости, как правило, с осени по весну, и сельской праздности летом, на отдыхе. Однако здесь всё далеко не так однозначно. Летняя праздность — это восприятие детское, закрепившееся в нашем современном сознании в силу того, что последние усадебные мемуары написаны людьми, у которых только детство прошло в усадьбе. На фоне последующих катаклизмов их воспоминания окрашены в ностальгически-розовые тона. Жизнь просвещённых помещиков в усадьбах всегда была наполнена интенсивным творческим трудом. У хозяина-помещика лето — самая горячая пора. Хватало дел и забот и хозяйке, как правило, матери обширного семейства, а тут ещё обязательные визиты родственников, соседей и прочее. «Летний отдых был заполнен интереснейшей работой, и все, будь то соседи, учительницы их школы, портниха, все с увлечением принимали участие в этой работе», — вспоминала дочь В.Д. Поленова о жизни в имении Борок. ⁵

И тем не менее, С.А. Толстая, жена писателя, вспоминает: «...летняя жизнь наша была сплошной праздник. <...> Осень и зима — это страда рабочей жизни; зато летом мы, среди забот о детях и хозяйстве, умели находить время для веселья». ⁶ О переезде семьи в город на постоянную жизнь она же пишет: «И вот совершился большой, значительный перелом в нашей жизни, и началась новая, непривычная и более тяжёлая во всех отношениях, городская жизнь». ⁷ При покупке дома в Хамовниках главным для всей семьи стала его похожесть на сельскую усадьбу. ⁸ И тем не менее, всякий отъезд по необходимости из Ясной Поляны «копая на труды в Москву» воспринимался болезненно. Я здесь сознательно не касаюсь социально-нравственной стороны жизни в деревне среди крестьян, ⁹ оставляю в стороне и её индивидуальный этический аспект, о котором хорошо сказано в статье Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?». ¹⁰

Пушкин — один из тех городских интеллектуалов, кто в свои зрелые годы вынужденно провёл в сельской усадьбе значительное время. Плодотворно сравнить его описания летних и зимних занятий в ней. Парадоксально, но они удивительно похожи! Зимой: раздумья «можно ли постель покинуть для седла, иль лучше до обеда // Возиться с старыми журналами соседа?». Вечером «глотаю скуки яд», «читать хочу; глаза над буквами скользят», «иду в гостиную; там слышу разговор о близких выборах, о сахарном заводе», «за шашками сижу я в углу». Но те же самые разговоры «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне»

ведутся и в гостиных Лариных и окрестных помещиков летом. Не занятый хозяйством владелец усадьбы одинаково празден и в холод, и в зной. Только «мишура постылой городской жизни» и светские нормы заставляют быть внешне занятым целый день: принимать визиты, отдавать визиты, толкаться в гостиных. (Ср. описание поведения Онегина в деревне, глава вторая, строфы 36-39).

В стихотворении «Пора, мой друг, пора!» (1834) Пушкин размышляет о жизни:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

Пьеса не дописана, сохранился конспект окончания: «<...>О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь, etc. — религия, смерть». ¹¹ Таким образом, не о праздности тоскует городской интеллектуал.

Пушкиным зафиксировано коренное отличие сельской усадьбы от городской. В селе усадьба была раскрыта в окружающее пространство, в городе же — замкнута забором, оградой, отделяющей своё от чужого. Забор, ограда, таким образом, проявляют и выявляют присутствие этого чужого, заставляя насельников городской усадьбы неосознанно реагировать на это. Забор, ограда включается в активное обживание пространства, становится фактором, определяющим настроение, самочувствие, мироощущение. Я полагаю, что наличие/отсутствие забора в усадебном топосе и есть то, что маркирует различие в поведении интеллектуала, рефлектирующего субъекта в топосе сельской и городской усадьбы.

Переживание городского топоса — прежде всего, ощущение несвободы и затеснённости. Причём, не только несвободы воли: необходимости занятий в гимназии, дома, в университете (для детей), на службе (у отца), выполнения необходимых обрядов и церемоний (для жены и матери) — а физической несвободы, постоянного ожидания и ощущения преграды даже в том случае, когда при городском доме есть сад или парк.

М.П. Бок, дочь П.А. Столыпина, вспоминает о даче на Аптекарском острове, куда семья переехала после привольной жизни в провинциальных усадьбах: «Дача эта двухэтажная, деревянная, вместительная и скорее уютная, произвела на меня сразу впечатление тюрьмы. Происходило это, должно быть, оттого, что примыкающий к ней довольно большой сад был окружён высоким и глухим деревянным забором. Были в нём две оранжереи, были лужайки, большие тенистые липы, аллеи и цветы, но каким всё это казалось жалким после деревенского простора, каким лишённым воздуха и свободы». ¹²

На мой взгляд, генезис этого почти бессознательного ощущения, т.е. не контролируемого и необъяснимого реальной топографией городской усадьбы — в библейском мифе о появлении первого города. В понимании ментального феномена усадьбы и ощущения себя в ней важно, что первый город был основан Каином при весьма трагических для него обстоятельствах. «И сказал Каин Господу:

наказание моё больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьёт меня. <...> И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. <...> И пошёл Каин от лица Господня <...> И построил он город <...>» (Бытие 4, 13-17). Таким образом, изначальная несвобода, вынужденность, проклятость закрепились в концепте города. Город — место не своё, вынужденное, чужое, казённое. Недаром для русского уха фонетически и семантически сближены забор — запор — запрет.

Современный исследователь, опираясь на историко-культурное исследование, констатирует: «Невозможность выделить ту или иную сферу в жизнедеятельности русского города как преобладающую — с одной стороны, а с другой — приоритетность административной функции определили административный статус города как основной типологический признак, отличающий его от сельского поселения».¹³ Эта же вынужденная, принуждённо-стеснённая черта города закреплена в этимологии слова.¹⁴

Важно подчеркнуть, что в сознании человека XIX века город воспринимается уже не как защита от угрозы, а как угроза воле и свободе. Возможно, это ощущение присуще только русской ментальности? Золотой век русской культуры — порождение сельской дворянской усадьбы. Но и многие культурные свершения Серебряного века, как отмечено исследователями, «оказались связаны с загородными усадьбами. <...> И в этом его особая специфика, отличающая от параллельных ему сугубо городских, если так можно выразиться, западноевропейских культурных явлений».¹⁵

Характерно, что наличие забора как главного объекта, определяющего городскую жизнь, произвольно или нет, но обязательно фиксируется при описании любой городской усадьбы. В сельской усадьбе забору противопоставлены поля или вид на поля, открывающийся прямо из усадьбы. Именно это создаёт ощущение свободы даже в том случае, когда далеко не праздная жизнь заполнена хлопотами, трудами и проч. Например, Татьяна в «Евгении Онегине», приехав впервые в Москву из усадьбы, поражена отсутствием привычного вида из окна:

Садится Таня у окна.
Редет сумрак; но она
Своих полей не различает:
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.¹⁶

Ср. то же семантическое наполнение у Чехова в «Даме с собачкой». Гуров «отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями. «От такого забора убежишь», — подумал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор. <...> И он ходил, и всё больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нём и, может быть, уже развлекается с другим, и это так естественно в положении молодой женщины, которая вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор».¹⁷ В то же время, в усадьбе Волчаниновых («Дом с мезонином») ворота «вели со двора в поле». Да и сама

усадьба, в которую герой первый раз вошёл со стороны парка через аллею, открыта в окружающий мир: «Я прошёл мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мной неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зелёных ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве».¹⁸ Сельские усадьбы преимущественно не огораживались, а отделялись от деревни валом с вёслами, или обсаживались сиренью, шиповником. Но были обязательные прогалы для беседки «Бельвью» (или «Миловиды») с перспективой на поля. В сельской усадьбе не от кого было отгораживаться, так как простор кругом — свой!

Тургенев в «Дворянском гнезде» пишет о доме Калитиных в городе: «При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город. «Стало быть, — решил Калитин, большой неохотник до сельской тишины, — в деревню таскаться незачем»».¹⁹

Забор — не просто ограничение свободы и простора взгляду. За забором — не-свое, чужое, запретное, поэтому и наиболее привлекательное, заманчивое, поэтому он и притягивает, как всё греховное. Таким образом, в концепте забора выявляется ещё один характерный для городской жизни мотив — порока и греха, также связанный с библейской историей Каина, основателя города. Забор провоцирует на грех. Характерна тонкая психологическая нюансировка Тургенева в сцене ночного объяснения в любви Лаврецкого и Лизы в калитинском саду. Узкая тропинка в поле за городом привела Лаврецкого «к длинному забору, к калитке; он попытался, сам не зная зачем, толкнуть её: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновения его руки». Он узнал сад Калитиных. После ночного свидания с Лизой, полчаса спустя, калитка оказалась закрытой и ему пришлось перепрыгнуть через забор.²⁰

Этот забор и открыто-закрытая калитка является предупреждением о преграде и предощущением греха: на следующий день к Лаврецкому вернулась жена, которую он считал умершей. Таким образом, ночное объяснение в любви женого человека и молоденькой девушки реально приобрело порочную окраску.

Подобное же семантическое наполнение в строках знаменитого романса (слова А. Будищева) «Калитка», что, возможно, современными слушателями не улавливается.

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий сад ты, как тень.
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку надень.

Речь и здесь о тайном, запретном свидании и чувстве, почему-то невозможном в открытом пространстве.

Место у забора — важный пост наблюдения за чужой жизнью, в чём тот же оттенок греховности, недозволенности.

В повести Тургенева «Первая любовь» действие происходит на даче в городской черте: «у Калужской заставы, против Нескучного». Гуляя по саду, герой обнаруживает забор. За ним ему представилось «странное зрелище»: девушка играла с четырьмя молодыми людьми: «Я всё забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки <...>». Его застаёт на месте преступления — «подглядывания за чужими барышнями» — один из молодых людей. Герой убегает, но при этом ему «было очень-очень стыдно и весело», он чувствовал «небывалое волнение». Забор ещё раз будет выбран героем местом для наблюдения, тогда он откроет страшную для себя тайну: ночью через забор пройдёт на свидание к «чужой барышне» его отец. Забор — преграда, граница, отделяющая нравственное от греховного, безнравственного.

Так же, как при описании городского быта обязательно упоминание забора, так и при описании свободной жизни возникает образ поля, луга, выгона и проч. ипостасей открытого пространства. «Мои первые воспоминания, — пишет А. Ахматова в автобиографии, — царкосельские: зелёное сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня...»²¹

В деревне в наблюдении за жизнью природы простор полей отождествляется с чувством родины. Причём, оно независимо ни от времени на дворе, ни от принадлежности писателя к тому или иному литературному течению, ни от прозы, ни от поэзии.

<...> мне открыты
все тайны счастья; вот оно:
сырой дороги блеск лиловый;
по сторонам то куст ольховый,
то ива; бледное пятно
усадыбы дальней; рощи, нивы,
среди колосьев васильки;
зелёный склон; изгиб ленивый
знакомой тинистой реки. <...>²²

(В.В. Набоков)

Ср. с Лермонтовым: «Когда волнуется желтеющая нива, <...> тогда смиряется в душе моей тревога, <...> и счастье я могу постигнуть на земле, и в небесах я вижу Бога». При созерцании пространства полей у обоих появляется ощущение счастья. Тургенев: «И какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной тиши! <...> а там, дальше, в полях, лоснится рожь, и овёс уже пошёл в трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый лист на каждом дереве, каждая травка на своём стебле. <...> И до самого вечера Лаврецкий не мог оторваться от созерцания этой уходящей, утекающей жизни; <...> и — странное дело! — никогда не было в нём так глубоко и сильно чувство родины».²³

Наконец, стихотворение И.А. Бунина, написанное вдогонку уходящей в небытие усадьбе в июле 1918 года.

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.²⁴

В полях же встречается Царя Небесного и Ф.И. Тютчев, «удручённого ношей крестной, в рабском виде», но с благословением «родной земле».

Из города Бога не видать, там царство Каина.

Каков же ответ на вопрос, поставленный Пушкиным в одном из стихотворений: «Зима! Что делать нам в деревне?» Сам поэт отвечает так:

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь? <...>
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые <...>²⁵

Итак, в любое время года поля остаются основополагающим фактором для интеллектуального ощущения свободы, столь необходимого для творческого деяния.

Кстати, удивительный по точности ощущения рефлекс переживания городским жителем чувства родины через созерцание русского поля встречаем мы в стихотворении поэта советского времени Инны Гофф, ставшем романсом (муз. Я. Френкеля) из кинофильма «Новые приключения неуловимых». Его поёт белый офицер, без сомнения, хорошо знакомый с усадебным детством и юностью. Детство советского поэта прошло явно не в усадьбе, но чувство родины русского офицера точно угадано поэтом и слилось с авторским:

Русское поле, русское поле <...>
Счастьем и болью вместе с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек! <...>
Поле, русское поле...
Пусть я давно человек городской <...>
Здесь Отчизна моя...

Таким образом, жизнь в сельской усадьбе формировала чувство родины, так как главным было не труд или праздность, а родство с полями, землёй, пространством, то есть русская воля (не аналог европейской свободы) — суть необходимые условия творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Городские поселения в Российской империи. СПб, 1860. Т.1. Предисловие. С.5. Цит. по: Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. — М.: РОССПЭН, 2008. С. 44.

2. Обе цитаты см.: Нащокина М.В. Русская усадьба Серебряного века. М.: Улей, 2007. С.8. В дальнейшем: Нащокина М.В., с указанием страницы.
3. Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева»; ИТД «Летний сад», 2000. С. 143.
4. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1896. Ч. II. С. 74.
5. Цит. по: Нащокина, с. 84.
6. Толстая С.А. Моя жизнь // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 166, 168. В дальнейшем: Толстая С.А., с указанием страницы.
7. Толстая С.А., с. 169.
8. Толстая С.А., с. 170.
9. Ср. у С.А. Толстой: «Тот контраст деревенской жизни крестьян, который не может не бросаться в глаза и не мучить каждого хорошего и мыслящего человека. Оттого образованному классу людей легче жить в городе, где много им подобных, и тяжело составлять среди нескольких сот крестьян ту единицу, тот центр жизни в довольстве, какой составлял и наш дом в Ясной Поляне». (С. 179).
10. Толстой Л.Н. в статье «Так что же нам делать?» (1882, 1884-1886 гг., главы XXXVШ-XXXIX) писал, что жизнь в деревне, земледельческий труд — «самый плодотворный и радостный» — необходимы для правильной нравственной жизни каждого человека.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). Изд. III. М.: АН СССР, 1962-1965. Т.3. С. 521. Курсив мой.
12. Бок М.П. Воспоминания о моём отце П.А. Столыпине. М.: Т-во А.Н.Сытин и К, 1992. С.156.
13. Кошман Л.В. Указ. соч., с. 55.
14. Ср. у Даля: «Город — укрепленное стенами место внутри селения <...> городить, огораживать, забирать забором, обносить тыном. Рубить или класть стену, более говорят о деревянном заборе торчмя».
15. Нащокина М.В., с. 16.
16. Наблюдение Ю.М. Лотмана. (См.: Лотман Ю. М. Пушкин. СПб, 1997. С. 516. Курсив мой.) Правда, в главе пятой поэмы (строфа 1) Татьяна тоже видит «поутру побелевший двор, // Куртины, кровлю и забор», но взгляд этот забор легко преодолевает и за ним «мягко устланные горы // Зимы блистательным ковром. // Всё ярко, всё бело кругом», т.е. опять-таки, поля.
17. Чехов А.П. Собр. соч. Т.8. М.: Худ. лит., 1962. С.399-400.
18. Там же, с. 87.
19. Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 28 тт. Сочинения. Т.7. М.-Л.: Наука, 1964. С. 125. В дальнейшем ссылка на это издание с указанием тома и страницы.
20. Тургенев И.С. Т.7, с. 235, 237.
21. А.А. Ахматова. Коротко о себе // Она же. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1961. С. 5.
22. Цит. по: Первушина. Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII — начала XX века. Владельцы. Обитатели. Гости. СПб.: Паритет, 2008. С. 261.
23. Тургенев И.С. Т.7, с. 190.
24. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т.1. М.: Худ. лит., 1987. С.361. Стихотворение написано 14 июля 1918 г. Курсив мой.
25. Пушкин А.С. Указ. изд. Т.3, с.130. Курсив мой.

В.А. Шаповалов, И.Г. Оноприенко

ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1860-1890-е ГОДЫ

Во второй половине XIX в. в жизни дворянской провинциальной усадьбы наметились очевидные изменения. Реформы 1860-1870-х гг. ознаменовали наступление нового исторического периода — интенсивной ломки дореформенных патриархальных отношений, наверстывания отставания в экономической, социальной и культурной сферах. И, хотя отмена крепостного права носила явно продворянский характер, жизнь дворянских усадеб тоже требовала перестройки, приспособления к новым условиям межсословной эмансипации. Как и в дореформенный период, так и в пореформенный дворянская усадьба представляла собой некий микромир, в котором, как в зеркале, отражались все значительные внутри- и внешнеполитические события эпохи, социально-экономические и культурные явления в жизни России.

Обращение к проблеме провинциальной дворянской усадьбы второй половины XIX в. выдвигает на первый план вопрос о понятии «сельская дворянская усадьба» в пореформенный период. Самое простое определение сельской дворянской усадьбы — то, которое ей дал В.И. Даль в середине XIX в. Это — господский дом, в котором жила семья помещика (постоянно или временно), «со всеми ухажаями, садом и огородом». Но для пореформенной эпохи этим кратким определением усадьбы нельзя ограничиться. Понятие «сельская дворянская усадьба» получило в литературе различное толкование в зависимости от направлений исследования: архитекторы, историки, литераторы определяют ее по-разному. Сельская дворянская усадьба в пореформенную эпоху — есть комплекс жилых, хозяйственных, производственных, парковыми других построек, составлявших единое хозяйственное и архитектурное целое, включавших жилой дом для семьи помещика и являвшийся центром земельного владения (имения). Как место проживания семьи помещика (постоянное или временное, наездами), сельская усадьба была средоточием культуры во всех ее проявлениях: материальной, производственной и духовной¹. Поэтому, можно сказать, что дворянская усадьба была социально-административным, хозяйственно-экономическим, архитектурно-парковым и культурным центром, в котором постоянно (или наездами) жила семья помещика. Всё это подтверждает М.В. Нащокина в своей работе «Русская усадьба Серебряного века»². Наименование дворянской усадьбы часто совпадало с названием села, где находился волостной центр.

В рассматриваемом аспекте важен вопрос о социальном содержании понятия «дворянская усадьба», с точки зрения традиционализма или патриархальности. Американская исследовательница П. Рузвельт подчеркивает: «С XVIII по начало XX

столетия выражение «патриархальная Россия» имело два совершенно различных значения. Среди либеральной интеллигенции и некоторой части аристократии оно служило для несколько пренебрежительного обозначения большой прослойки безудачно пытающегося преуспеть, часто невежественного, некультурного помещичества провинциальной России. Я же употребляю это выражение в позитивном смысле, подобно большинству самих помещиков — как богатых, так и бедных. Для них патриархальная Россия ассоциировалась с традиционным мировоззрением, чувством ответственности, активным участием в управлении хозяйством — со всем тем, в чем они видели силу своего сословия³. Автор справедливо указывает на главную особенность российской усадьбы — ее устойчивый традиционализм, который, правда, к началу XX века утрачивает прежние позиции с ростом промышленно-хозяйственных комплексов в усадьбах зажиточных дворян.

Тесно связанные с имением помещика усадьбы можно разделить на три группы, которые имели большие между собой отличия в социально-экономическом, административном, архитектурном и культурном отношении: принадлежащие крупнопоместным, среднепоместным и мелкопоместным дворянам.

Сложившееся представление о дворянской усадьбе, благодаря довольно сильному «культурному крену» в ее изучении, в той или иной степени размывает границы реального представления об ее образе, несколько идеализируя его. В зеркалах внутренних интерьеров дворцовых построек, в мире музыки, поэзии, живописи усадебный мир отражается иначе, чем он представляется по закладным, копиям счетов и другим материалам, сохранившимся в личных фондах, а также и по документам государственных учреждений и банков, которые объективно и беспристрастно раскрывают хозяйственную жизнь усадеб и судьбы их владельцев⁴.

Объявление Манифеста 19 февраля 1861 г. ошеломило большинство владельцев провинциальных дворянских усадеб, обладателей поместий, и крепостных крестьян. Ещё недавно стремление увеличить число душ доминировало над попытками повысить доходность имения путём рационального землепользования. Отмена же крепостного права не только лишала их этой возможности, но и требовала обязательного предоставления помещиками в постоянное пользование крестьянам «усадебной оседлости», а также полевых наделов «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиками». Правда, дворовые, которые в крепостной зависимости выполняли различные обязанности в многокомнатном усадебном доме помещика и на приусадебной территории, теперь, освобождённые без наделов, в усадьбе, как правило, оставались.

Так, представитель тамбовского дворянства Б.В. Глинский в своих воспоминаниях подчёркивает: «Флигеля, кухни, конюшни, амбары были переполнены народом, который только номинально числился при деле, а в сущности в большинстве случаев был баклуши и имел смутное понятие, что значит в поте лица добывать хлеб насущный. Все это были остатки, наследие крепостного права, немой укор минувшему порядку вещей. Дворян и дворовые люди в России остались забытыми великим законодательством 19 февраля и продолжали цепляться за своих прежних господ, требуя себе хлеба и, сообразно новым условиям жиз-

ни вознаграждение. Что им было до того, что господа уже не могли пропитать всех этих желающих есть и обездоленных землёю: это их не касалось; они хотели жить и дорожили насиженным местом и гнездом»⁵.

Хозяин усадьбы не был уже полным владельцем всего имения с угодьями, во многих случаях принадлежавшего с далёких времен его предкам. Реформа 19 февраля 1861 года ставила дворянина-помещика в сложную психологическую ситуацию. Несмотря на временнообязанный период, помещик уже перестал быть полновластным господином бывших своих крепостных крестьян. А ведь весь его жизненный уклад строился на почти безраздельном господстве и эксплуатации крестьян. Весь микромир помещика, представленный границами поместья, замыкался в структуре — «Я» и «Они», то есть крестьяне. Следовательно, пусть даже и отдалённая перспектива полной утраты контроля над бывшими крепостными не давала психологически чёткой перспективы дальнейшей хозяйственной деятельности⁶.

Е.П. Баринанова справедливо подметила, что «дворянство ратовало за сохранение привычного жизненного мира, а во всех изменениях, трансформациях общества обвиняло власть»⁷. Поэтому после отмены крепостного права многие из дворян не нашли ту реальную почву, на которой обретало бы смысл их дальнейшее существование как сословия⁸. Для очень многих помещиков это был удар, который следовало пережить, приспособившись к новому образу жизни. Е.Н. Трубецкой писал по этому поводу, вспоминая о своем дедушке — А.А. Лопухине, владельце усадьбы: «Помнится, мы, дети, почти всегда заставляли его лежать в постели. Целыми днями он не вставал, и мы считали его больным... Впоследствии я узнал, что это периодическое лежание вызывалось глубокой и непонятной нам, детям, трагедией. «Болезнь», периодически заставлявшая дедушку ложиться, была вызвана чем-то вроде паралича воли, и была она вызвана, как это ни странно, — актом 19-го февраля. До этого времени дела его шли недурно; судя по рассказам моих тётей — его дочерей, смутно понимавших деловую сторону жизни, при крепостном праве «всё делалось само собою, сами собою получались и доходы», а после этого дедушке выпала задача — самому приняться за устройство своего хозяйства. Он пришёл в полную прострацию и, подавленный своей беспомощностью, «превратился в какого-то Обломова». Управляющие воровали, доходы не получались, дела «сами собою приходили в расстройство», а дедушка уединялся с тяжёлыми думами в своей кровати»⁹.

В «Очерках помещичьего разорения» С.Н. Терпигорев писал: «Объявление положения 19-го февраля, одинаково близко коснувшееся материального и нравственного быта всех помещиков вообще, произвело на них впечатление чрезвычайно разнообразное, и в своих поисках за лучшее устройство будущего все они разошлись по разным дорогам». Но «вскоре очень многие стали убеждаться, что жить все-таки можно, если примириться с тем, что отныне мужиков нельзя наказывать ни у себя дома, ни посылать для этого с письмом к становому или исправнику, и всё может уладиться, если завести новое «рациональное хозяйство»¹⁰. Что касается определения «рационального хозяйства», то «в сознании части общества конца XIX — начала XX вв. рационально поставленное хозяйство

должно было не только приносить доход, но и основываться на научных и технических достижениях и развиваться при сохранении природных ресурсов»¹¹.

Для перестройки своих хозяйств помещики должны были использовать различные сельскохозяйственные машины, инвентарь, рабочий скот, но для их закупки требовался значительный свободный капитал, которого явно не хватало большинству помещиков Центрального Черноземья. Так, по мнению одного из помещиков: «Попробуйте обзавестись машинами, хотя бы для небольшого хозяйства, и у вас из кармана шутя вылетит несколько тысяч рублей: конечно, тысячи эти не пропавшие, каждая машина, если она хорошая, окупится в первые же годы, так как не нужно нанимать такое количество рук, как прежде, да и сами рабочие при отсутствии в них надобности будут дешевле, но опять скажу, тысячи на полу не валяются, а у кого из нас они есть»¹².

С другой стороны, недоверие к новейшим достижениям агротехники выступало отголоском хозяйственного традиционализма большинства поместных владельцев, чьи экономические воззрения и устоявшиеся взгляды имели многовековые традиции: «На что мне жатвенные машины ваши, выгоню в поле две тысячи баб и мужиков, в три дня и выжато все поле, разные машины, экстирпаторы, скарификаторы, жатвенки, молотилки, зерносушилки, — всё это немецкие выдумки. У нас климат другой, к России нейдут они, без них обойдёмся»¹³.

Немногие были готовы перейти к использованию новых методов земледелия и, в основном, предпочитали традиционные, проверенные веками способы. На данное явление обращали внимание современники. Видный тамбовский либеральный деятель В.Н. Снежков писал: «Один из землевладельцев нашей же местности весьма образованный человек, либерал, собственник обширных латифундий, держит управляющими простых полуграмотных мужиков, тщательно избегая лиц, обладающих средним или высшим агрономическим образованием»¹⁴. Дворянство не могло сразу расстаться с традиционными устоями жизни, которые формировались в течение столетий. Для многих «...приспособление к новой экономической реальности зависело не только от удачной конъюнктуры рынка, но и от гибкости, умения лавировать, и, в конечном счёте, от желаний дворян»¹⁵. Данный процесс был значительно усложнён, многообразен вследствие социальной дифференциации внутри самого высшего сословия.

Хозяйственная перестройка пореформенных дворянских усадеб кардинально изменяла сам образ жизни их владельцев и часто не в лучшую сторону. Так, М.А. Шилинг, один из представителей небогатой дворянской семьи в своих воспоминаниях пишет об отце «...он стал вкладывать в хозяйство много труда и энергии, три года жил в ужасных условиях, помещался вместе с рабочими в наскоро сколоченных лачугах, делил с ними скудную пищу... Вплотную занялся сельским хозяйством. Не передоверяя никому этого «своего дела», он то присутствовал на полевых работах, то занимался черчением в своём кабинете, выкладками и составлением всякого рода хозяйственных планов, то заключал договора с разными людьми... Потребляли, по возможности только то, что давало хозяйство, а деньги выручали от продажи излишков хозяйственных продуктов, берегли как для улучшения хозяйственного быта семьи, так равно и для дальней-

ших земельных приобретений»¹⁶. Часть дворян бросала службу и возвращалась в имения, чтобы не дать им окончательно разориться. Например, в Воронежской губернии «Иван Александрович Звегинцов... вышел в отставку и занялся Масловским имением, продолжив начатое отцом дело по благоустройству и хозяйственному освоению усадьбы»¹⁷.

Небогатый помещик А.Н. Энгельгардт следующим образом описывает изменения в собственном жизненном укладе после отмены крепостного права «Поселившись в деревне, я решил не заводить ни кучеров, ни поваров, ни лакеев, то есть всего того, что составляет принадлежность помещичьих домов, что было одной из причин разорения небогатых помещиков, не умевших после «Положения» повести свою жизнь иначе, чем прежде, что было одною из причин, почему помещики побросали хозяйства... Поселившись в деревне, я повёл жизнь на новый лад»¹⁸. Пореформенные реалии превращали владельца усадьбы в сельского буржуа. Показательным в этом аспекте было хозяйство А.А. Тремплъ в дер. Протопоповке Корочанского уезда Курской губернии. В реорганизацию хозяйства владелец вложил 30 тыс.руб., была построена мельница. Хозяйство стало рентабельным. Владелец гибко приспосабливался к конъюнктуре рынка. Завёл сорта яблок, которые в 8-летнем возрасте давали 5 пудов плодов с дерева, в междурядьях сада разместил посевы бобовых, конопли, картофеля, свеклы и других культур. Когда цены на фрукты упали, то помещик завёл пасеку и построил завод по выработке плодовоягодных вин на меду; в обрзоровавшиеся по саду озерца запустил карасей и зеркальных карпов; организовал мастерскую по плетению изделий из ивы и дужной вербы, которые поступали даже на Нижегородскую ярмарку¹⁹.

Далеко не все помещики, даже имея желание пойти в ногу со временем, знали с чего начать, были те, которые лишились впоследствии своих имений с усадьбами не по лени и недостаточной энергии, а из-за полной неспособности ориентироваться в новой обстановке, из-за отсутствия практических знаний и навыков. Да и большого опыта распоряжения деньгами через систему кредитных учреждений у дворян практически не было. Поэтому, после освобождения крестьян помещичьи хозяйства покачнулись, пришлось постепенно переходить на наёмный труд, на передовые агротехнологии. Многие помещики просто смирились с обстоятельствами и не сопротивлялись новым веяниям. Все это вело к разорению и, прежде всего — к продаже усадеб, главными покупателями которых были купцы, мещане, изредка крестьяне: «Между тем непомерная расточительность привела к огромным долгам, и, как следствие, к продаже некоторых имений. В 1861 г. наступил черед тамбовских деревень. «Продал я жене надворного советника Елисавете Григорьевне Волконской имение моё, — сообщил в феврале 1862 г. граф Г. Кушелев-Безбородко своему доверенному лицу, — состоящее Тамбовской губернии Борисоглебского уезда, из сел Павловского и Малых Алабух и деревень Григорьевки, Александровки, Никольской и Таловой, со всеми постройками и наличностью, какие окажутся в оном имении, конным и овечьим заводами»²⁰.

Приобретались дворянские усадьбы с различными целями: для использования их как для постоянного, так и сезонного проживания, для ведения хозяйства,

налаживания производства и т.д. В тех случаях, когда имение покупалось с целью перепродажи или, например, с целью продажи леса, владельца мало беспокоило поддержание усадебного ансамбля на должном уровне. Да и состоящие «дворянских гнезд» часто бывало далёким от благополучного, и покупатели не желали вкладывать средства в их восстановление²¹.

Наиболее тяжело сказывалась отмена крепостного права на мелкопоместном дворянстве. Бывали случаи, что помещик просто оставлял всю землю крестьянам и уходил из имения. О печальной судьбе разорвавшихся поместий писал И.А. Бунин: «И как под сохой, идущей по полю, один за другим бесследно исчезают холмики над подземными ходами и норами хомяков, так же бесследно и быстро исчезали на наших глазах и гнезда суходольские. И обитатели их гибли, разбегались, те же, что кое-как уцелели, кое-как и коротали остаток дней своих... За полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, столько нас выродилось, сошло с ума, наложило на себя руки, спилось, опустилось и просто потерялось где-то!.. То место, где стояла усадьба, было уже давно распаханно и засеяно, как распаханна, засеяна была земля на местах и многих других усадьбах. Суходол ещё кое-как держался. Но, вырубив последние березы в саду, по частям сбыв почти всю пахотную землю, покинул её даже сам хозяин её, сын Петра Петровича, — ушёл на службу, поступил кондуктором на железную дорогу»²².

Подтверждением вышесказанному служат воспоминания тамбовского помещика В.М. Андреевского: «... Был последний раз у себя в имении. В день моего отъезда я с какой-то необыкновенной, совсем несвойственной моему бодрому темпераменту грустью обошел сад и дом, в котором протекла вся моя жизнь. Я как будто предчувствовал, что никогда больше не увижу ни дома, хранившего в стенах своих воспоминания о трёх поколениях, ни нашего сада, целиком посаженного моей матерью...»²³. Не безграмотные и невежественные крестьяне, не понимавшие культурной ценности русской усадьбы, а нужда, порождённая привычками к широкой жизни помещиков, привела усадьбы к печальному концу. Одни из них превратились в «экономии», другие же исчезли сами, и их «вишневые сады» были вырублены. Эти процессы изменили и архитектурный облик дворянских усадеб, которые мельчали, упрощались, приходили в упадок, как с внешней, так и с содержательной стороны.

Однако изменения в усадебной культуре свершились не одномоментно, а растянулись на несколько десятилетий. Архитектурно-художественный образ русской дворянской усадьбы, сложившийся в XVIII — начале XIX в. не стирался в течение всего последующего времени. Долгие годы он воспринимался как недосягаемый идеал, принадлежащий оставшейся в прошлом эпохе, приобретающий впоследствии значение символа дворянской культуры²⁴. Не прерывались, по существу, на протяжении всего XIX в. и многие традиционные линии, намечившиеся в русской усадьбе в начале столетия. Владельцы поместий, несмотря на многие попытки преодолеть сложившийся усадебный быт, фактически продолжали придерживаться патриархального образа жизни, традиционных взглядов на архитектурно-парковую среду усадьбы и традиционных форм культурной жизни. Собственно патриархальный характер усадебного бытия, налаженного и раз-

меренного, неременное широкое гостеприимство, потребность в привычной, обжитой, пусть даже скромной, но уравновешенной жилой архитектурной среде, спланированной по законам симметрии, в привычном наборе мебели и предметов быта, были выражением стойких традиционных основ усадебной культуры. Примечательно, что при всем изменении стилистических особенностей и принципов компоновки усадебных сооружений и проникновении в усадебную культуру новых веяний, ощущение традиционного характера усадебной культуры не оставляло ни хозяев имений, ни их гостей²⁵.

В пореформенный период архитектура провинциальной дворянской усадьбы была весьма различной и также зависела от многих факторов и, прежде всего, — от богатства и вкусов хозяев, их возможностей перестраивать дом, приглашая известных архитекторов, от традиционных представлений о сельском жилище, от моды, которой следовал город, и других факторов. Поэтому дома усадьбы как в столице, так в провинции отличались разнообразием. Это были и старинные, перешедшие от предков здания, которые владельцы пореформенной эпохи бережно сохраняли и поддерживали, так, например, в одной из усадеб Воронежской губернии «... Период владения усадьбой Толстыми мало затронул сложившуюся композицию. Редкий случай, когда хозяева, очевидно, оценили первоначальный замысел зодчих»²⁶. Классическим примером в данном аспекте является курская усадьба Марьино кн. Барятинских. Так же это и вновь построенные (или отреставрированные) с применением новых архитектурных приемов, в которых более прослеживался практицизм, например, в одной из усадеб Курской губернии «Верхняя часть дома, которая представляла собой мезонин и чердак, была полностью реконструирована, увеличена высота этажа, в результате чего появились три новые комнаты»²⁷. Были и небольшие скромные усадебные строения без каких-либо характерных для стиля эпохи черт, но ухоженные, со следами деловитости владельца «...эти скромные усадьбы не являли какое-то чудо, не стремились удивить — там всё предназначалось для жизни, для совместного обитания людей сложившегося сообщества»²⁸. Это относилось в первую очередь к усадьбам среднепоместных дворян, которые отличались от домовладений зажиточных крестьян только большей опрятностью и ландшафтной симметрией. Но ярким проявлением эпохи были старые обветшавшие дома, покинутые хозяевами, оставившими их на попечение чужих людей или намеревавшимися продать богатеющим промышленникам и купцам. Тому пример в Курской губернии: Рубанщина Суджанского уезда — Тахтамировых, Лебяжье Курского уезда — Г.А. Новосильцева, Покровское Старооскольского уезда — Арцыбушевых и другие²⁹.

Таким образом, вторую половину XIX в. можно охарактеризовать как «период упадка усадебного строительства». Действительно, в массе своей усадебные комплексы оформились в предшествующий период. В основном в большинстве усадеб сохранились старинные, перешедшие от предков дома. Всё больше преобладали скромные усадебные строения без каких-либо характерных для эпохи черт. Часть помещиков проводила на территории усадьбы реставрационные работы. Многие же дома в усадьбах находились в жалком состоянии, их владельцы

не проводили никаких реставрационных работ по причине недостатка средств.

Тем не менее, многие усадьбы становятся центрами духовной культуры, их новые хозяева — художники, архитекторы, писатели, ученые, музыканты. Так, в Курской губернии это Воробьевка Щигровского уезда — поэта А.А. Фета, Александровка Щигровского уезда — писателей В.П. и Е.П. Марковых, Винниково Курского уезда — певицы Н.В. Плевицкой и другие³⁰. При покупке имения А.А. Фет предъявлял следующие требования «Имение должно было быть в черноземной полосе, с лесом, рекою, каменной усадьбой и возможной близости от железной дороги»³¹. Воробьевка отвечала всем этим требованиям.

Большинство мелкопоместных и среднепоместных провинциальных дворян жили, в основном, в деревянных — «неказистых дедовских помещичьих домиках»³². Так, по данным 1861г. «в Грайворонском уезде Курской губернии из 15990 жилых и нежилых домов каменных было только 11»³³. Основная часть из них была одноэтажными и имела продолговатую конфигурацию. Например, в имении А.П. Курдюмова Рыльского уезда Курской губернии «изба деревянная крытая соломою, длина 12 аршин, ширина 18, высота 4»³⁴, в имении помещицы Н.А. Афанасьевой, находящемся в том же уезде «изба деревянная, старая, крытая соломою, потолок досчатый, без пола с русской печью, с 3 окнами без рам, длина 9 аршин, ширина 7, высота 3»³⁵. Такие дома не отличались ни изяществом, ни удобствами. Нередко они строились среди деревни и терялись в общей массе крестьянских изб.

Со второй половины XIX в. в сельской местности у помещиков всё чаще стали встречаться дома под железной крышей, где верх был деревянный, а низ выложенный из кирпича, так в Лебядинском уезде Тамбовской губернии «дом... низ кирпичный, верх из дерева, крытый железом»³⁶, или в той же губернии в имении дворянина Л.П. Григорьева Борисоглебского уезда — «дом на каменном фундаменте, дубовый, крытый железом»³⁷. Это не являлось собственно архитектурной новацией дворянской усадьбы, а скорее выражало унификацию строительных технологий, характерных для усадеб состоятельных людей любого сословия.

Архитектура усадеб второй половины XIX — начала XX вв. прошла сложный путь, постепенно отходя от строгого классицизма к усложненным формам, навеянным историзмом, к эклектике, через романтические тенденции и увлечение готикой, развившееся параллельно с русским национальным стилем и переплетавшееся со стилем модерн, проникшим и в усадебное строительство. В то же время под влиянием ностальгических настроений, связанных с тоской по «старой» дворянской усадьбе начала XIX в., в усадебной архитектуре, особенно в начале XXв., явственно обозначился неоклассицизм как возвращавший её «на круги своя», к истокам помещицкой усадебной культуры³⁸. Но это, в первую очередь, относилось к представителям высших страт дворянства.

Усадьбы середины XIX в. уже больше напоминают дачи, где уже не ценится внешний блеск и показное великолепие, а предпочтение отдается интимности, поэтичности, бытовому удобству. Например, в Воронежской губернии это усадьба Барятинских в Анне, усадьба Соколовых в Никольском, Чертковых в Лизинке, Нечаевых в Терновом, Раевских в Калиново³⁹.

В целом усадебная архитектура второй половины XIX в. была затронута всеми течениями, которые были характерны для русского зодчества той поры. Особенно модны были эклектические течения западного толка, которые в усадебном строительстве оказались в русле традиций, сложившихся в эпоху классицизма. С другой стороны, может быть, именно богатство стилистических исканий и способствовало той многоликости художественных образов, которая избавила усадебное зодчество от скучной монотонности⁴⁰.

Существовали и определённые правила при постройке усадьбы. Например, такие как: «Красивое здание должно быть для лучшего вида, по возможности, отстранено от окружающих его посторонних строений, сохраняя вокруг себя пространство, позволяющее обозреть его с выгоднейшей точки... Для удовлетворения условиям удобства должно: придать зданию все качества, необходимые цели его назначения; с выгодой воспользоваться всеми удобствами местными и физическими; придать всем его частям выгоднейшие и удобные размеры; обратить особенное внимание на всевозможные удобства как внутренних, так и наружных его сообщений...»⁴¹ и многие другие.

Значительные изменения коснулись в это время и социального состава владельцев загородных усадеб. Наметившийся ещё в предреформенные годы процесс перехода старых дворянских поместий в руки купечества усилился после отмены крепостного права. Так, из воспоминаний тамбовского помещика Б.В. Глинского «Усадьба Святское... Это уже было имение оскудевшее, сданное в аренду соседнему купцу... Флигеля, постройки и службы почти отсутствовали; не было конского завода, как в Сергеевке, да и сам дом был меньших размеров. На всей жизни Святского, лежала печать оскудения; тут не было ни обилия прислуги, ни разнообразия еды, ни баловства, ни широкого размаха гостеприимства. В доме веяло некоторой пустотой и холодом...»⁴².

На первых порах, самоутверждаясь, новые хозяева стремились сохранить незыблемую старую архитектурно-парковую среду усадьбы и оставляли в неприкосновенности внутреннее убранство барского дома, пытаясь воспроизвести здесь бытовавший некогда уклад. Но, с течением лет, это охранительное отношение к художественному миру усадьбы стало уступать коммерческим интересам. Сначала сравнительно редко, но в дальнейшем всё чаще встречаются случаи перестройки старых усадебных сооружений, перепланировки и вырубки парков. На их месте в результате дробления поместий и усадебных территорий стали возникать дачные поселки.

При новых владельцах постепенно менялся архитектурный облик усадеб. Т.П. Каздан выделяет несколько видов усадеб, оказавшихся в купеческом владении. В основе предложенной классификации лежит архитектурный усадебный ансамбль:

- традиционный — старый ансамбль усадьбы не подвергается значительным переделкам, новые владельцы с уважением относятся к памяти прежних владельцев;
- обновлённый, но всё же сохраняющий в целом свой традиционный характер;
- промежуточный вид — старый усадебный дом сохраняется, но не заселяется и постепенно ветшает или сдаётся в качестве дачи;
- вновь создаваемая усадьба, в которой, однако, помещичий быт владель-

цев складывается в традиционных формах усадебной культуры прошлого;

— программно-антисудебный вид, подразумевающий использование архитектурных сооружений бывшей усадьбы в производственных целях;

— усадьба, связанная с производственным комплексом — имеются в виду старые усадьбы, используемые по прямому назначению, близ которых строились промышленные предприятия;

— тип, аналогичный предыдущему, с постройкой усадебного комплекса вновь⁴³.

В первые пореформенные годы купцы довольно редко подвергали реконструкции приобретённые ими усадебные комплексы. Однако на рубеже XIX-XX вв. одновременно со стремительным разрастанием количества купеческих усадеб усиливается и процесс перестройки усадебных сооружений, когда «скупали имение за имением, вырубали сад за садом, перестраивали дома в фабрики»⁴⁴.

Во второй половине XIX в. для структуры провинциальных усадеб было характерно значительное расширение и обогащение за счет включения новых элементов и построек. Можно выделить семь основных частей — жилую, служебно-хозяйственную, садово-парковую, храмовую, мемориально-музейную, общественную, научную⁴⁵.

Жилая (парадная) часть включала: господский дом, дачу, флигели, двор около дома, главные ворота, ограду. Обязательным являлся главный усадебный дом, в зависимости от материального положения хозяев дома были разные, например в Курской губернии среднепоместные усадебные дома были представлены в следующем виде: «Господский жилой дом одноэтажный деревянный, весьма ветхий, крытый соломою, в нём 6 комнат, 2 крыльца и кладовая, 8 дверей, 2 кирпичных печи, 9 окон из комнат, 4 с двойными 5 с одинарными рамами, палас и потолки дощатые»⁴⁶, «Господский дом на каменном фундаменте, одноэтажный, крытый соломою, 5 комнат, 10 окон, 2 крупные печи, 7 дверей»⁴⁷.

Второе почти обязательное строение (их могло быть и несколько) — это флигель, как правило, одноэтажный, в основном, там располагались кухни, сени, кладовые. Так, в усадьбах Курской губернии «...флигель деревянный, крытый соломою, 3 комнаты, 1 рубленные сени, в флигели полы и потолки дощатые, 6 окон с двойными рамами, 5 дверей, 1 печь их простых кафель и кирпича, плетневая кладовая. При этом, флигель и кухня через сени, двери одни»⁴⁸.

В служебно-хозяйственную часть входили: дом управляющего, главная контора, контора, поварская, кухня, ледник, прачечная, водонапорная башня, конюшни, сарай для пожарного инвентаря (пожарный сарай), подвал, винный подвал, клуня, амбары для сезонных рабочих, половень, коровник, телятник, молочная ферма, конюшня и каретный сарай, конный двор, конный завод, парадная конюшня, рабочая конюшня, псарня, овчарник, овчарный двор, скотник, птичник, скотный двор, свиной двор, птичий двор, пасака, мельничный двор, мастерские, амбары, рига, гумно, омшаник, задний двор, инвентарный сарай, экипажный сарай, завод, фабрика, склады, плотина, водяная мельница, ветряная мельница, паровая мельница, кузница, железнодорожная ветка, ограда, изгородь.

Хозяйственная часть так же зависела от материального достатка хозяина, например, в имении Л.П. Григорьева Борисоглебского уезда Тамбовской губер-

нии она выглядела следующим образом: «Прачечная дубовая, амбар из дубового, а частью осинового леса, конюшня сосновая частью дубовая, клуня сосновая, флигель дубовый частью осиновый, крытые железом; овчарня из корогоча и дуба, скотный двор дубовый корогочевый, ледник дубовый частью осино-вый, сарай дубовый частью корогочевый, две избы в одной связи сосновые 1/3 и дубовая 2/3 крытые соломою; птичник, крытый сосновым тесом»⁴⁹. Из описания курских имений: «Рубленая старая конюшня, каретный сарай, ледник в одно связке, подъездной сарай, старый, баня рубленая, ветхая с таким же предбанником, плетнёвая кухня старая, плетнёвый овин ветхий, крытые соломою, ворота на огороде дощатые»⁵⁰. В имениях верхних страт дворянства было представлено большее количество строений, так в усадьбе А.П. Курдюмова Рьльского уезда Курской губернии «Амбар каменный, каретный сарай деревянный, птичник каменный, конюшня каменная, свинарник каменный, строение каменное, ледник деревянный, конюшня плетневая, сарай плетнёвый, скотный двор деревянный, клуня плетнёвая, крытые соломою; оранжерея каменная, крытая тоже соломою и стеклом рамочки, кузница деревянная крытая деревом»⁵¹.

Примечательно, что если дома и флигели по большей части были деревянными, то хозяйственные постройки старались строить каменными, в виде длинных приземистых сооружений с отдельными секциями. Количество этих построек во многом определялось значительностью и доходностью домовладения.

В последней трети XIX — начале XX вв. соотношение различных жилых и нежилых построек, в частности, в городских усадьбах изменилось. Количество усадеб во всех районах города, содержащих только 1 флигель, было незначительно, так же и усадеб с двумя или тремя домами. Более распространены «дом и флигель». Количество «полных усадеб (т.е. наличие в составе усадьбы полного набора разнофункциональных строений (характерного для богатых домовладений), также незначительно.

Табл. 1.

Усадебная застройка г. Тамбова в последней трети XIX века (%)⁵².

	1885г. (100% – 716 домовладений)	1895г. (100% – 805 домовладений)
1 флигель	6	5,3
Дом и флигель	28,4	25,3
Полная усадьба	9,5	10,1
Усадьба с 2 домами	1,6	0,9
Усадьба с 3 домами	0,1	0,1
Лавка с домовладением	14,4	14,9
Промышленные заведения	2,6	3,2

Таким образом, самым распространённым набором строений в домовладениях по городу являлся дом и несколько флигелей, а также нежилых надворных помещений.

Храмовая часть включала: церковь, церковь-мавзолей, часовню, семейное

кладбище, склеп, мавзолей, дом священника, дом псаломщика, церковно-приходскую школу, ограду. В Тимском уезде Курской губернии «... многие из семьи были похоронены в фамильном склепе в Никольском»⁵³. В Льговском уезде Курской губернии «В селе Макаровке была сооружена деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы... При церкви значилась церковно-приходская школа»⁵⁴. В Тамбовской губернии Лебедянского уезда в имении Наумова в каждом из трёх сёл Мальцево, Федяево, Альево имеется по церкви «церковь каменная, приходская, 1 притч»⁵⁵.

В садово-парковую зону входили: парк, сад, цветник, роща, огород, детский сад-огород (овощи и цветы), лог, овраг, лес, дубовая роща, сосновый лес, ольховый лес, берёзовый лес, строевой лес, фруктовый сад, покосный луг, левада, оранжерея, ягодник, пруд, большой пруд, оранжерейный пруд, малый пруд, сажалка, речка, ручей, купальня, родники, игровая площадка (мачта, качели, площадки для тенниса и крокета), беседки, горки, грот, фонтан, мосты, скамьи, фонари, цветочные вазы, ограда, ворота. В описании усадьбы Сергеевка Тамбовской губернии упоминается: «Дорожки роскошного палисадника так хорошо утрамбованы и посыпаны песком, аллеи ягодного сада так тенисты, а в фруктовом саду, по ту сторону пруда, за плотной, столько простора и приволья, такая душистая высокая трава, что невольно целый день проводишь на лоне природы, заглядывая в дом лишь для утренних занятий, для ночного сна и в часы питания»⁵⁶. В имении помещиков Арбенева Щацкого уезда Тамбовской губернии «Фруктовый сад с огородом, в нем оранжерея каменная, одна половина покрыта, другая ничем не покрыта. Первая с фруктовыми деревьями, другая с цветами»⁵⁷. К концу XIX в. «пейзажные» парки начинают уступать место «промышленным» садам⁵⁸.

В структуре старинных усадеб, продолжавших свою жизнь в пореформенное время и представляющих собой своеобразный музей с их постройками, бытом, коллекциями, преданиями и более современным художественным и бытовым включением, определяется особая мемориально-музейная территория (обычно примыкавшая к парадной или садово-парковой зоне), которая могла включать: старинные постройки, монументы, храм-памятник и др. Так, в усадьбе Ростовичных Анна Воронежской губернии «в 1899 году был построен прекрасный храм, который и по сей день является архитектурной доминантой поселка»⁵⁹.

Новой отличительной чертой пореформенного времени стала научная и учебная деятельность, получившая развитие преимущественно в крупных и средних образцовых имениях, экономических посёлках. Усадьба и её окрестности становятся широким исследовательским полигоном для владельцев и их гостей, профессиональной школой для молодых специалистов и примером для начинающих предпринимателей.

Учебно-научная часть включала: корпуса училища, общежитие для учащихся, дома (квартиры) учителей, мастерские, бактериологическую станцию, лабораторию, метеостанцию, амбулаторию, ветеринарную лечебницу, опытное поле, плодовый питомник, лесной питомник. Так, в усадьбе Масловых-Звегинцовых Курской губернии «в поместье существовали питомники саженцев и опытная оранжерея, в которой М.А. Звегинцова вывела два сорта роз и садовый жасмин, названный «Звегинцовским»»⁶⁰. Для пореформенного времени особенно

характерно повсеместное строительство просветительских, лечебных и других благотворительных учреждений для населения, которые нередко сооружались на территории усадьбы вблизи жилой или садово-парковой зоны, так в усадьбе Анна Воронежской губернии «были построены здания больницы и школы»⁶¹. В общественную часть входили: училище, мастерская, земская школа, школа грамоты, библиотека, больница, ясли-приют, приюты для сирот, чайная, народная читальня, библиотека, клуб, больница, богадельня, дома для рабочих, дома для служащих, столовая для рабочих. Например, в Льговском уезде Курской губернии «... в 1893г. в старинной усадьбе Семёновка Николай Дмитриевич открыл учебно-столярную мастерскую для ребят из близлежащих деревень»⁶².

В Центральном Черноземье у дворян средних и низших страт был распространён замкнутый тип открытого в середине двора, переднюю часть, которого занимал двор, выходящий окнами на улицу. «...Хозяйственная часть постройки начиналась непосредственно от дома, слева были пристроены легкие навесы-сарай, под прямым углом уходящие в глубь двора и предназначенные для повозок, орудий, утвари; справа к дому пристроена конюшня и от неё ряд теплых сараев для скота (овец, свиней, птицы); в глубине двора навесные сараи для коров и лошадей; ближе к дому, посредине двора — амбары»⁶³.

Внутреннее устройство дома в дворянской усадьбе, как правило, мало изменялось на протяжении многих десятилетий. Оно, можно сказать, было совершенно одинаковым везде, повторяясь во многих поместьях, в том числе и Центрального Черноземья. В качестве примера приведём описание внутреннего устройства среднеломестной усадьбы Курской губернии: «Зала: справа и слева — гостиная и столовая. Три эти комнаты расположены в одну линию; стены между ними устроены так, что их можно раздвигать, — тогда из трёх комнат образуется как бы одна большая... В задней части нижнего этажа находятся спальни и несколько маленьких комнат... Узкая лестница ведёт в верхний этаж, который вдоль разделён коридором на две части: в одной из них расположено в ряд несколько комнат для приезжих гостей, в другой — кабинет хозяина и бильярд и ещё одна комната»⁶⁴.

Внутренне устройство усадьбы во многом определялось достатком владельца. Так, в Курской губернии в крупнпоместной усадьбе Мухановых Белгородского уезда «Дом имеет функционально разделённую на две зоны: жилую господскую и хозяйственно-жилую, где располагались кухня и жилые комнаты для прислуги. Основной объём дома имеет крестообразный план... В рукавах креста расположены три больших зальных помещения... На втором этаже — два жилых помещения»⁶⁵.

К усадьбам помещиков средней руки можно отнести усадьбу А.А. Фета Воробьевку Курской губернии. «На первом этаже главного дома располагались парадные комнаты — гостиная, столовая, жилые — кабинет поэта, спальня, комната жены, а также сени и коридор, деливший здание на две половины — парадную и жилую. Гостиная имела три выхода: в комнату, расположенную в юго-восточном углу, малую гостиную, и столовую на юго-западе... Из столовой был вход в переднюю. Из передней был выход. Из гостиной (будь то скромное жилище небогатого помещика или дворец) был выход, который вел в сад: «... вдруг

решительно отворял дверь террасы и спешно проходил через гостиную, столовую, переднюю, вбегая снова во двор и оттуда снова в сад»⁶⁶, — отмечает А.А. Фет в своих воспоминаниях. Вторая часть дома представлена тремя комнатами. Над гостиной располагалась бильярдная, рядом с ней «верхний» кабинет поэта и ряд комнат для гостей»⁶⁷.

Усадьбы же мелкопоместных дворян были намного скромнее. Так, в усадьбе Балабановых Корочанского уезда Курской губернии «В дом ведут три входа. Один из них размещается на северном заглублённом участке стены главного восточного фасада. Два других на верандах. Планировка здания коридорного типа. Помещения расположены по обе стороны длинного продольного коридора. В западной части дома комнаты больших размеров»⁶⁸. «Дом одноэтажный... Вход ведёт в небольшую прихожую и далее в коридор, разделяющий северную часть дома на две примерно равные части, поделённые поперечными стенами на небольшие комнаты. Южную половину дома занимают две большие смежные комнаты»⁶⁹. В описаниях усадеб Курской губернии встречается следующая характеристика мелкопоместной усадьбы, которая более подходит к крестьянскому дому, разорившегося или сводившего еле-еле концы с концами хозяина: «Изба деревянная старая, крытая соломой, потолок досчатый, без пола с русской печью, с 2 досчатыми дверьми, 3 окнами без рам, с плетнёвыми сенями»⁷⁰.

В целом же курские усадьбы мелкопоместных и низших подгрупп среднепоместных дворян выглядели следующим образом: «жилая изба о двух комнатах, 3 дверей, 5 окон, кирпичная печь, дощатый потолок, ветхая»⁷¹, «дом деревянный на каменном фундаменте, крытый соломой — 4 комнаты, 5 окон с уличной стороны, 2 окна с остальных сторон, 5 наружных и внутренних дверей»⁷², «дом с крыльцом парадным, приделанным с дубового дерева, в нём чулан, пристройка из дерева, в доме 6 комнат, 3 печи, 10 дверей, 10 окон с двойными рамами»⁷³.

Доставшиеся по наследству с дореформенной эпохи старинные усадьбы крупных и средних владельцев были больше рассчитаны на парад, чем на удобства жизни. Парадные комнаты — зал, бильярдная, гостиная, кабинет — были великолепны и просторны; но рядом с этим жилых комнат было мало, и они были большей частью проходные, низенькие и весьма неудобные. Казалось, простора было много — большой дом, два флигеля, соединённые с большим домом длинными галереями, всё это — с колоннами в стиле ампир и с фамильными гербами на обоих фронтонах большого дома, две кухни симметрично фланкировали с двух сторон. Однако наружный размах здания не соответствовал внутренней тесноте помещений. В своих воспоминаниях, князь Е. Трубецкой отмечал «Отсутствие жилых комнат в большом доме было почти полное. А флигеля с трудом помещали каждый небольшую семью в шесть человек. Когда нас стало девять человек детей, мы с трудом размещались в двух домах: жизнь должна была подчиняться... стилю»⁷⁴.

Позднее, после ухода из жизни старшего поколения, уже ближе к концу XIX в., функциональное назначение комнат для членов семьи приобретало первостепенное значение. Так, дом в усадьбе Воробьёвка Курской губернии строился по привычному плану — «как правило, планировка всех господских домов в

усадьбе основывалась на той разумной схеме, по которой жилые комнаты с кабинетом хозяина были обращены во двор, а парадные для отдыха и приёма гостей открывались в парк, дабы, отрешившись от хозяйственных забот, можно было отдыхать и любоваться красотами природы»⁷⁵.

В больших старых усадебных домах насчитывалось иногда весьма много комнат. Например, в Рыльском уезде Курской губернии: «На усадебном месте господский дом с мезонином, на каменном фундаменте, крытые железом. В нем 3 крыльца, комнат в доме и мезонине с коридорами всех 21, окон 33, из них 27 с двойными рамами, 19 дверей разностворчатых, 8 кафельных печей с железными заслонками, потолки в некоторых комнатах оштукатурены, а в некоторых побелены мелом»⁷⁶, «Господский дом — 9 комнат с коридорами, 2 каменных крыльца, 18 окон, 5 печей, 16 дверей на петлях, дощатые полы»⁷⁷.

Внутреннее убранство «родовых гнезд» в пореформенный период чаще всего лишь дополнялось новыми предметами быта. Предметное наполнение усадебного дома, впитавшее в себя память о различных происшедших в усадьбе семейных событиях, оказывалось стабильным, связывая временную цепочку поколения между собой. Неодушевленные предметы приобретали в ходе усадебной жизни некое символическое значение, оказывая влияние на быт и культуру. Годами на тех же самых местах стояли одни и те же предметы: «В гостиной, против выхода на террасу, помещался большой камин с зеркалом..., почитали его как «генция места» и покровителя»⁷⁸. Эта была дань уважения к роду и к его истории. Новому поколению надлежало помнить, откуда произошла их фамилия, знать родовые отношения членов семьи, оно должно было смотреть с чувством гордости на родовые гербы. При разорении и прощании с усадьбой портреты предков забирались с собой в первую очередь и хранились всю жизнь как драгоценная реликвия.

В старых усадьбах, как правило, мебель к середине XIX в. уже была различных стилей и изготовлена из разных пород дерева, так как к рассматриваемому времени многие усадебные дома в течение ста и более лет оставались во владении одной семьи и часто сохраняли старый интерьер. Изменения, которые вносились каждым последующим поколением, ложились новыми пластами. Переходя из одной комнаты в другую и обозревая их внутреннее убранство, можно было даже представить движение истории усадьбы во времени. «Старинная мебель в чехлах, лампа, пепельница из раковин, несколько фотографических карточек и старых французских журналов на угольном столике; картины по стенам»⁷⁹, — так описывается устройство дома в усадьбе А.А. Фета Курской губернии.

Внутреннее убранство комнат среднепоместного дворянства в целом было более скромным, например, в имении Федоровичей Козловского уезда Тамбовской губернии: «Господский дом с 5 комнатами, с 2 стенами, крытый тесом. В первой комнате в прихожей — ничего нет, в зале — крупный стол соснового дерева, диван, комод — 2 ящика с подъемными крышками, заперт ключом; в горничной — ничего нет кроме зеркал в рамках; в кабинете шкаф дубовый»⁸⁰. В имении В.В. Иванова Рыльского уезда Курской губернии: «6 кресел березового дерева, из них 3 изломанных, 6 стульев березового дерева, из них 2 изломан-

ных, 2 ломберных стола, 1 диван изношенный, 1 диван дубового дерева, 1 письменный стол окрашенный, 3 приставных столика столового дерева, 1 тумба с комодом в 3 ящика окрашенная, 1 кровать окрашенная, одинарная, 1 зеркало в рамке красного дерева старое, этажерка окрашенная⁸¹. В имении дворян Самойловых: «Стол ольхового дерева, стол ломберный, 2 рамы надзеркальных красного дерева, 8 кресел мягких, 1 диван ольхового дерева, 1 диван деревянный, стульев 13 деревянных, окрашенных разной краской, 1 стол круглый деревянный, 2 стола окрашенных под орех, 1 стол окрашенный под дуб, 1 стол-бюро, 1 стул с камышевым переплетом крашенный под орех, 1 кресло большое обитое, 1 диван обитый материалом, выкрашенный под березу, диван турецкой обитый⁸². В имении дворянки Н.И.Булгаковой: «Гостинный мягкий диван дубового дерева, 10 полукресел мягких дубового дерева, дубовый стеклянный шкаф, 2 мягких кресла дубового дерева, 2 больших зеркала окрашенных, 4 маленьких дубовых столика, рояль красного дерева, 18 стульев с плетёнками, окрашенными под орех, 2 ломбардных берёзовых стола, окрашенных под орех, 5 деревянных дивана, обитых клеенкою, 6 старых деревянных кресел, обитых шерстяной материей, 2 круглых стола берёзовых, 1 большое зеркало с берёзовой рамою, 4 небольших зеркала, 1 шкаф дубового дерева для посуды, 2 гардероба берёзового дерева, 4 простых кровати, дубовый стеклянный шкаф»⁸³.

Принадлежностью почти всех гостиных был рояль — «рояль новый, крепкий со всеми принадлежностями»⁸⁴, если такового не было, то его можно было брать напрокат — «рояль, бранный на прокат в музыкальном магазине во время детских каникул на 2 месяца»⁸⁵.

Внутреннее убранство комнат дополнялось в конце XIX в. новой посудой (при сохранении старой), коврами, а при ремонте — новыми обивками или обоями для стен «куплено 12 кусков обоев для оклейки комнат»⁸⁶. О ремонте в усадьбах, например в Курской губернии, говорится в следующем фрагменте: «Уплачено в завод Шилке на краску для дверей, подоконников и угольников на окна в зале гостиной и столовой: 20ф. желтой, 25ф. белой и 4ф. вареного масла, всего 9,99 руб. Уплачено в лавку Апальковых для перекраски и побелки потолков и карнизов в передней столовой и зале и оклейке комнат шпалерами: пемзы, мелу, купоросу, масла, аллюбастры, муки ржаной, бумаги, крахмалу, шпалеры 48 кусков для столовой, к ним бордюры 8 кусков, для прихожей 17 кусков, бордюры к ним 3 куска, всего 57,29 руб. Уплачено за поправку штукатурки, побелку потолков над хорами подоконников и угольников на окна в зале гостиной, столовой и передней, всего 62,43 руб.»⁸⁷.

Необходимо упомянуть и об усадебной территории. При строительстве въезда в богатую усадьбу в конце XIX в. он часто отменялся аркой с гранёными башнями и железными воротами. Как и прежде, сто лет назад, экипажи въезжали в ворота, делали полукруг вокруг центрального газона с левой или с правой стороны и подъезжали к главному подъезду. Так, в усадьбе крупнопоместных дворян Мухановых Курской губернии: «Экипажи и автомобили подъезжали к дому, сначала проезжая под кирпичной аркой. Каждый экипаж должен был сделать круг вокруг газона, прежде чем остановиться перед крыльцом»⁸⁸. Более

скромным был и оставался въезд в усадьбы небогатые, среднего достатка, где постоянно жила семья помещика.

Представляя общий облик дворянской усадьбы, следует помнить, что из нескольких десятков тысяч усадеб вряд ли можно было найти две одинаковые. Однако везде в среднепоместных, да и мелкопоместных дворянских усадьбах рядом с домом были кухня, сарай и конюшня. В отстроенных же по канонам классицизма (или неоклассициза) усадебных домах кухня находилась в одном из флигелей, то есть в боковой пристройке к большому дому или в отдельно стоящей во дворе постройке. Например, в усадьбе Мухановых Воронежской губернии: «К северу — восточному фасаду основного объёма примыкает хозяйственный блок — одноэтажный в его протяженной части, и двухэтажный в торце; в двухэтажной части блока внизу находилась кухня. Крыло хозяйственного блока соединено с господской половиной продольным коридором, выходящим в столовую...»⁸⁹. Такие строения были связаны архитектурным и стилевым единством с основным домом, к ним относились людская изба, конюшня и каретный сарай с беговыми дрожками, так в имении Самойловых курской губернии «...кухня пристроенная к дому, деревянная, крытая соломой, конюшня каменная с кладовою и каретным сараем»⁹⁰.

Недалеко от усадебного дома размещались оранжереи, теплицы. Так, в имении Воробьёвка Курской губернии «за садом располагалась теплица... выращивали персики, крымский виноград, арбузы, дыни и другие экзотические растения»⁹¹; в имении Гангардтов помещиков Корочанского уезда Курской губернии «в саду оранжерея, теплица, парники»⁹²; в имении Арбеновых Шацкого уезда Тамбовской губернии «...оранжерея каменная, одна половина покрыта, другая ничем не покрыта. Первая с фруктовыми деревьями, другая с цветами»⁹³.

Составной частью усадьбы являлся так же скотный двор и другие хозяйственные строения. В описаниях курских, воронежских и тамбовских имений почти всегда встречается упоминание о них: «скотный двор, деревянный, плетник каменный, свинарник каменный крытые соломой»⁹⁴, «скотный двор плетневый от ветхости развалившийся крытый соломой»⁹⁵, «скотный двор рубленый крытый соломой»⁹⁶, «скотный двор дубовый корогочевый крытый соломой»⁹⁷, «скотный двор, в нем 2 жилые избы с окнами, потолком, дверьми, между ними сени тоже с дверью крытые соломой»⁹⁸, «скотный двор деревянный крытый соломой»⁹⁹.

За всеми этими сооружениями шло гумно — крытый ток, где молотили хлеб, т. е. территория экономии. Там располагались «крупоружка плетневая крытая соломой с камнями, рубленая крупорушка под одной крышей с крупорушкою пристроен молотильный сарай плетневый»¹⁰⁰, «молотилка каменно-кирпичная смесь крытая железом, молотильный деревянный сарай крытый соломой, мельница ветреная каменная, сарай молотильный деревянный в столбах крытый соломой, мельница крытая тесом, молотилка каменно-кирпичная смесь крытая железом»¹⁰¹, «водная молотилка, мельница вновь отделанная»¹⁰².

При всех сельских дворянских усадьбах (в том числе и мелкопоместных) были более или менее обширные сады, иногда с теплицами. В садах центральной России преобладали яблони; их плоды могли удовлетворить потребности семей

самих владельцев. Так, в имении А.А. Фета Воробьевка Курской губернии «к западу от главного дома находился сад, в котором выращивали яблоки и вишни»¹⁰³, в имении Гангардтов Корочанского уезда той же губернии — «2 грунто-вых сада один с шпанскими вишнями и сливами, другой с абрикосами. Кроме того плодов бывает столько, что и девять некуда и все отличных сортов»¹⁰⁴.

До реформы 1861 г. и проведения железных дорог эти сады в большей своей части не имели «рыночного» значения. Но с развитием внутренней торговли многие большие барские сады стали частью доходной статьи усадебладельца. Если ранее за садами ухаживала дворня, то теперь, в целях получения дохода и расширения садовых владений, хозяева усадеб должны были нанимать работников, которые ухаживали за деревьями, оберегали сады, занимались съёмкой фруктов и их транспортировкой на базары и ярмарки, переправляя их крупным торговцам. В Курской губернии были специалисты в области плодоводства, среди них И.Н. Гангардт, П.П. Алфёров, В.К. Крейц, К.П. Петерсон, Д.Д. Сонцов и другие, которые вели большую исследовательскую работу, занимались созданием школ садоводства для местных жителей¹⁰⁵.

В конце XIX в. стали строить железные дороги, так воронежские дворяне «Барятинские в числе крупных акционеров субсидировали постройку железной ветки Графская-Анна, чтобы иметь возможность более быстро и дешево вывозить на рынок сельскохозяйственную продукцию»¹⁰⁶. Впоследствии большой толчок к развитию садоводства дали именно железные дороги. Так, в конце 1860-х годов через Курскую губернию прошли железные дороги Москва-Курск-Харьков, Брянск-Льгов-Курск и др. В середине 1890-х гг. с запада на восток открылась магистраль Киев-Курск-Воронеж, а в начале 1900-х гг. новые линии железных дорог были проложены через Белгород и Старый Оскол¹⁰⁷. В результате большинство курских городов стали транспортными узлами, что обеспечило дворянам поставку сельскохозяйственного сырья и плодов его переработки не только по губернии, но и в различные районы страны, например, «...из экономии Петровское-Макарово в имении Н.П. Соколова, молочные продукты отправлялись на рынки Курска, Киева и Харькова»¹⁰⁸.

Неотъемлемой частью усадьбы была конюшня, а при ней каретник для экипажей. Эти строения различались по материалу, из которого сделаны, по размеру и другим характеристикам, например, в Курской губернии: «рубленая старая конюшня, каретный сарай»¹⁰⁹, «каретный сарай деревянный, конюшня каменная, конюшня плетневая, все крытое соломой»¹¹⁰, «конюшня (13 лошадей и сбруйная), навес для телег и саней»¹¹¹, «конюшня каменная с кладовой и каретным сараем»¹¹², «каретный сарай рубленый экипажей на 12 строенный на каменном фундаменте»¹¹³; и в Тамбовской губернии «конюшня сосновая частью дубовая, крытая железом»¹¹⁴, «конный двор с плетневым сараем, конюшня разного леса, крытая соломой»¹¹⁵, «конный двор деревянный при нем конюшня деревянная, каретный сарай деревянный, крытые соломой, каретный сарай деревянный, крытый тёсом, конюшня кирпичная, каретный сарай кирпичный, крытые железом»¹¹⁶.

В каретнике стояли кареты для парадных выездов, тарантасы для дальних поездок, дрожжи и коляски для ближних, линейки, долгуши или роспуски для по-

ездок всей семьей в лес по грибы и таратайки для поездок в поле или на охоту, зимние возки и кибитки, крытые кожей или войлоком. Например в имении курских помещиков Самойловых были «коляска, карета, дрожжи ресорные, возок зимний, сани троечные, санки городовые»¹¹⁷. В более крупных хозяйствах асортимент экипажей был намного больше, например у помещиков Булгаковых в Рыльском уезде Курской губернии «4-х местный подержанный, 2-й 2-хместный, старый, 3-й старый, 4-й старый 4-х местный обитые темным сукном; старый 3-х местный тарантас, обитый белым сукном, 2-й тарантас обитый черным сукном, простой открытый тарантас, зимний возок обитый тканью, зимний возок старый, крытый кружевами, крытые санки клеенкою, городские санки обитые коричневым сукном»¹¹⁸.

Иногда держали лошадей огромное количество: верховых, выездных и хозяйственных. Много их требовалось тем помещикам, которые занимались псовой охотой. Малорослых верховых лошадей заводили для определённого возраста и для маленьких детей: дворянин, не умеющий сидеть в седле, был нонсенсом; ведь почти все мальчики поступали в военную службу или шли учиться в кадетские корпуса. Даже в сравнительно небогатой усадьбе, в конюшне, было несколько лошадей: у каждого из хозяев, даже у детей могла быть своя «подшефная» лошадь. Она могла быть рабочей, но дети наблюдали за её кормлением, приучались с малых лет садиться на неё верхом. Если же лошадей не было в усадьбах, то их нанимали для определённых дел, например, в годичных отчетах курских дворян Воропановых упоминаются расходы на наём лошадей, для поездки в город («на наем лошадей по делам опекунши»¹¹⁹).

Неподалеку от господского дома происходило строительство небольших предприятий, что стало типичным в пореформенный период. Это были заводы — производственные помещения со вспомогательными постройками и конторами, предназначенные главным образом, для переработки получаемой в имении продукции: хлеба (винокурные заводы), картофеля (крахмальные и паточные заводы), льна, шерсти (ткацкие, суконные фабрики), кожевенные, кирпичные заводы.

Размещение промышленных заведений поблизости от усадеб меняло общий облик последних. Но эти заведения с усадебной территорией, вокруг которой они размещались, порой складывались в самостоятельный тип поселения. В архитектурном отношении оформление территории, промышленных и служебных заведений на ней, поскольку она была связана с «дворянским гнездом», было плодом инициативы, изобретательности, потребности и вкусов, прежде всего, владельцев усадьбы, в чём и проявлялась самореализация их личности. В имении Анна Воронежской губернии «Владимир Анатольевич имел конный и винокурный заводы. Позже была построена паровая мельница»¹²⁰; в имении курских помещиков Масловых-Звегинцовых «в поместье существовали маслобойня, сыроварня...»¹²¹; в усадьбе Мухановых «винокурный завод выглядел, в то время как большое здание с трёхэтажными пристройками. Завод и дом освещался электрическим светом от собственной электростанции»¹²², в имении корочанских помещиков «кирпичный завод... при хорошем выжиге выжигает свой отличный кирпич»¹²³.

Таким образом, в пореформенный период наблюдается специализация усадебных хозяйств, где традиционные зерновые культуры уже не определяли экономического спектра хозяйственной деятельности. Так, например, в Курской губернии: имение князей Юсуповых в Ракитном Грайворонского уезда специализировалось на выращивании сахарной свеклы; имение А.Н. Масловой при сл. Троицкой Новооскольского уезда многоотраслевое — с перерабатывающими предприятиями, посадками картофеля, урожай которого поступал на винокуренный завод; садоводческое хозяйство Алферова в с. Лазаревка Корочанского уезда¹²⁴; в Воронежской губернии в имении Рубашевского основной отраслью хозяйства было скотоводство, в Тамбовской губернии у Л.В. Вяземского, П.Н. Вельяминова — племенное птичье хозяйство¹²⁵. Все это указывает, что для капиталистического имения характерна производственная специализация, обусловленная наличием определенных экономических, в том числе трудовых ресурсов, экономико-географическим положением данного района¹²⁶.

В то же время, с начала 1860-х гг. пришли в упадок те отрасли, которые не представляли собой доходные статьи, а олицетворяли собой атрибут барства, например, разведение охотничьих собак. Отмена крепостного права привела к тому, что исчез обслуживавший псовую охоту персонал, который можно было содержать только в условиях крепостного права. Естественно, отдельные владельцы крупных имений поддерживали эти отрасли, но уже в качестве господского традиционализма и личной статусности.

Результатом пореформенных преобразований явилось то, что «традиционное дворянское поместье, основанное на известной триаде: поместье — помещик — крепостной хозяин — в массе своей превратилось в хозяйство иного типа, которые и называть стали по-иному — «экономией», подчёркивая тем самым основу на котором такое хозяйство зиждется»¹²⁷.

В результате изменений, происходивших в хозяйстве, многочисленность и развитость хозяйственных сооружений стала отвечать новому характеру усадеб пореформенного периода, когда на смену развлекательным, преимущественно летним резиденциям пришли хозяйственные усадьбы, совсем не столь парадные, как прежде, зато лучше приспособленные для повседневной жизни. Это являлось в целом отражением пореформенной буржуазной трансформации русского помещичьего дворянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. Исторические очерки // Л.В. Иванова, Я.В. Водарский, Э.Г. Истомина и др. М., 2001. С.400-401.
2. Нащокина М.В. Русская усадьба Серебряного века. М., 2007.
3. Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008. С.231.
4. Там же. С.402.
5. Глинский Б.В. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т.58. №10. С.70.
6. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М., — Белгород, 2002. С.131.

7. Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века. Экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С.319.
8. Христофоров И.А. Дворянские собрания о судьбе «высшего сословия» после отмены крепостного права (60-е годы XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 3. С.66.
9. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. С.403.
10. Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881. С.29.
11. Хмель Е.В. Формирование представлений о рациональном хозяйстве в конце XIX — начале XX веков // Культура русской провинции. Новые исследования // Отв. ред. В.П. Кудинов, Тамбов, 2002. С.107.
12. Кулабухов В.С. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период 1861-1905гг. Автореф... канд.ист.наук. М., 1997. С.17.
13. Там же.
14. Хмель Е.В. Элементы рационального природопользования в земледельческом производстве крупных владельческих хозяйств Тамбовской губернии конца XIX — начала XXвв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. // Отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов, 2002. С.362.
15. Шевнина О.Е. Облик провинциального дворянства в конце 1850-х — 1870-х гг. (на материалах губерний Среднего Поволжья). Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С.285.
16. Шиллинг М.А. Мое детство в Малиновке // Дворянское собрание. 1994. №1. С.122-123.
17. Акиншин А.Н., Кригер Л.В. Усадьба Масловых-Звегинцовых // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. // Сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001. С.134.
18. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872-1887. М., 1987. С.45.
19. Тройно Ф.П. Очерк социально-экономического развития Белгородчины (XVIIIв. — 1917год). Белгород, 1993. С.51-52.
20. Мурашев А.А. «Увидеть барский дом нельзя...» (Павловка и её владельцы) // Культура русской провинции. Новые исследования // Отв. ред. В.П. Кудинов, Тамбов, 2002. С.50.
21. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. С.535.
22. Бунин И.А. Суходол. Собр. соч. в 5тт. М., 1956. Т.2. С.152-153.
23. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО) Р-5328. оп.1. д.1. л.48.
24. Марасинова Е.Н., Каждан Т.П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. // Редкол. Л.В. Кошман. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.321-322.
25. Там же.
26. Акиншин А.Н., Кригер Л.В. Чертовицкая усадьба Тулиновых // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XIX века. // Сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001. С.139.
27. Холодова Е.В. Воробьевка // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XIX века. // Сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001. С.187.
28. Ефремов Э.П., Андреева Р.В. Ерофеевка Русановых // Там же. С.166.
29. Холодова Е.В. Двери к достоинству и чести // Там же. С.171.

30. Там же.
31. Холодова Е.В. Воробьевка. С.184.
32. Бутурлин М. Записки // Русский архив 1897. №5-8. С. 403-404.
33. Охрименко И. Быт прошлого нашего края (XIX — начало XX веков) // Призыв. 1985. 20 июня. С.4.
34. Государственный архив Курской области (далее ГАКО) Ф.341. оп.1. д.150. л.47.
35. ГАКО Ф.294. оп.1. д.955. лл.16-17.
36. ГАТО Ф.168. оп.1. д.355. л.7об.
37. ГАТО Ф.168. оп.1. д.3514. д.16.
38. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. С.433-434.
39. Полякова М.А., Старцева Т.С. Культурные традиции воронежских дворянских усадеб // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XIX века. С.79.
40. Марасинова Е.Н., Каждан Т.П. Культура русской усадьбы. С.355.
41. Комарова И.И. Усадебный дом XIX в. // Жилищное строительство. 1989. №3. С.30-31.
42. Глинский Б.В. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т.58. №10. С.79-81.
43. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. С.555.
44. Врангель Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С.144.
45. Холодова Е.В. Загородное усадебное строительство Курской губернии 1861-1917 годов. Автореф... канд. арх-ры. М., 2005. С.15-16.
46. ГАКО Ф.294. оп.1. д.844. л.35.
47. ГАКО Ф.294. оп.1. д.906. л.12.
48. ГАКО Ф.294. оп.1. д.844. л.53об.
49. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО) Ф.168. оп.1. д.3514. л.16.
50. ГАКО Ф.294. оп.1. д.844. л.37.
51. ГАКО Ф.341. оп.1. д.150. л.47.
52. Пирожкова И.Г. Жилище горожанина в XIX — начале XX вв. в Тамбове // История Тамбовского края: Избранные страницы // Под ред. И.В. Двухжилковой, А.А. Сязина. Тамбов, 2004. С.47.
53. Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып.1. С.243.
54. Холодова Е.В. Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки. Курск, 1997. С.36.
55. ГАТО Ф.168. оп.1. д.355. лл.5об.-6об.
56. Глинский Б. Из летописи усадьбы Сергеевки., С.73.
57. ГАТО Ф.162. оп.1. д.2. л.5об.
58. Звягинцева М.М. Русская усадьба как культурно-исторический феномен. Автореф... докт. культурол. наук. СПб., 1997. С.13.
59. Парыгин Н.Р., Демидова Е.В., Афанасьев С.И. Усадьба Ростопчиных-Барятинских в посёлке Анна // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. С.143.
60. Акиншин А.Н., Кригер Л.В. Усадьба Масловых-Звегинцовых., С.134.
61. Парыгин Н.Р., Демидова Е.В., Афанасьев С.И. Усадьба Ростопчиных-Барятинских в поселке Анна., С.143.
62. Холодова Е.В. Усадьбы Курской губернии. С.52.

63. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX-XX века). М., 1988. С.116.
64. Усадьба А.А. Фета в окрестностях Коренной пустыни: (Из впечатлений поездки) // Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета. // Сборник научных трудов. Курск, 1992. С.350-351.
65. Колесникова Л.И. Веселая Лопань — усадьба Мухановых // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. С.20-21.
66. Фет А.А. Мои воспоминания. М., 1990. С.330.
67. Холодова Е.В. Воробьевка. С.187.
68. Колесникова Л.И. Корочанские мелкопоместные усадьбы. Усадьба Балабановых // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. С.36.
69. Колесникова Л.И. Корочанские мелкопоместные усадьбы. Усадьба Алферовых // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века. С.38.
70. ГАКО Ф.294. оп.1. д.955. лл.16-17.
71. ГАКО Ф.294. оп.1. д.887. лл.5-6.
72. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. л.4.
73. ГАКО. Ф.1. оп.1. д.453. л.34.
74. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. С.441.
75. Холодова Е.В. Воробьевка. С. 188-189.
76. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. л.1273.
77. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. л.3.
78. Холодова Е.В. Воробьевка. С.187.
79. Усадьба А.А.Фета в окрестностях Коренной пустыни. С.350-351.
80. ГАТО. Ф.164. оп.1. д.67. л.42.
81. ГАКО Ф.294. оп.1. д.844. лл.35-36об.
82. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. лл.1274-1274об.
83. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. л.4об.
84. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. л.1274.
85. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. л.42об.
86. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. л.37.
87. ГАКО Ф.1436. оп.1. д.19. лл.31-34.
88. Колесникова Л.И. Веселая Лопань — усадьба Мухановых. С.20.
89. Там же. С.21.
90. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. л.1278.
91. Холодова Е.В. Усадьбы Курской губернии. С.23.
92. ГАКО Ф.341. оп.1. д.77.
93. ГАТО Ф.162. оп.1. д.2.
94. ГАКО Ф.341. оп.14. д.150. л.47.
95. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. л.1278об.
96. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. л.5.
97. ГАТО Ф.168. оп.1. д.3514. л.16.
98. ГАТО Ф.164. оп.1. д.67. л.40.
99. ГАТО Ф.162. оп.1. д.2. л.4.
100. ГАКО Ф.294. оп.1. д.909. лл.4-7об.
101. ГАТО Ф.168. оп.1. д.355. лл.5об-7об.

102. ГАКО Ф.341. оп.1. д.77. л.86.
 103. Холодова Е.В. Воробьевка. С.191.
 104. ГАКО Ф.341. оп.1. д.77. л.5.
 105. Парыгин Н.Р., Демидова Е.В., Афанасьев С.И. Усадьба Ростопчиных-Барятинских в поселке Анна. С.143.
 106. Ковалева Т.В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII — начало XXвв.) // Автореф... канд.ист.наук. Курск, 2004. С.17.
 107. Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города России второй половины XIX — начала XX веков (на примере Курской губернии). Автореф... канд.ист.наук. Курск, 1999. С.15.
 108. Звягинцева М.М. Закат усадебной культуры в Курской губернии // Историко-культурное краеведение: вчера, сегодня, завтра. Курск, 1999. С.85
 109. ГАКО Ф.294. оп.1. д.844. л.37.
 110. ГАКО Ф. 341. оп.14. д.150. л.47.
 111. ГАКО Ф.341. оп.1. д.78. л.56.
 112. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. л.1278.
 113. ГАКО Ф.341. оп.1. д.77. л.86.
 114. ГАТО Ф.164. оп.1 д.67.л.16.
 115. ГАТО Ф.164. оп.1 д.67. л.40
 116. ГАТО Ф.162. оп.1. д.2. лл.4-4об,7об.
 117. ГАКО Ф.294. оп.1. д.913. л. 1277об.
 118. ГАКО Ф. 294. оп.1. д.909. лл.5об-6.
 119. ГАКО Ф.294. оп.1. д.921. лл.10, 17об.
 120. Парыгин Н.Р., Демидова Е.В., Афанасьев С.И. Усадьба Ростопчиных-Барятинских в поселке Анна. С.143
 121. Акиншин А.Н., Кригер Л.В. Усадьба Масловых-Звегинцовых. С.134
 122. Колесникова Л.И. Веселая Лопань — Усадьба Мухановых. С.21.
 123. ГАКО Ф.341. оп.1. д.77. л.5.
 124. Тройно Ф.П. Очерк социально-экономического развития Белгородчины... С.49-52.
 125. Ковалева Т.В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII — начало XXвв.). С.17-18.
 126. Холодова Е.В. Пореформенные Усадьбы Курской губернии. 1861-1917. Курск, 2007. С.85.
 127. Киселева Г.Н. Не барин, но хозяин // Дворянское собрание. 1997. №7. С.60.

И.Н. Слюнькова, Л.Б. Сомова

«ЯРОПОЛЕЦ» — ЗАГАДКА ИМЕНИ

Ярополец по степени изученности постепенно выходит на одно из первых мест среди памятников усадебной культуры. Опубликована новая монография, вобравшая в себя ранее накопленные и новейшие знания.¹ Выпущено множество статей, посвящённых отдельным аспектам и мельчайшим подробностям истории и культурных ценностей этого славного места.² Ярополецкие усадьбы не попали в орбиту крупных инвестиционных проектов и реставрации рубежа XX-XXI вв., зато оказались объектом пристального исследования, которому могли бы позавидовать иные Музеи-усадьбы со статусом государственных учреждений России. Важную роль в этом сыграло счастливое стечение обстоятельств, совместная деятельность двух общественных организаций — Пушкинского общества МАИ и ОИРУ, а в первую очередь, усилия конкретных исследователей и участников этого содружества.³

Правда, один вопрос так и остался до конца не прояснённым. Он связан с происхождением названия поселения и двух расположенных здесь усадеб.

Во многих источниках название места, давшего имя двум знаменитым дворянским усадьбам, пишется по-своему, с отступлением от нынешней орфографии. Об этом известно каждому, кто хоть немного знаком с их историей. Рассеянная по множеству древних и относительно недавних документов графическая пластичность воспроизведения слова даёт основания вернуться к вопросу об имени. Притом исследования по этимологии названия Ярополец ранее не предпринимались.⁴

Среди московского ареала земель находится единственный топоним под названием Ярополец, как производное от слова Ерополч. Время появления его по историческим источникам определяется началом XVI в. Встречающиеся в литературе более ранние датировки ошибочны и вызваны невнимательным прочтением летописей, в которых говорится о другом, существовавшем во второй четверти XIV в. топониме с похожим названием, но находившемся во Владимирском княжестве.

Подмосковное село Ерополч на реке Ламе, входило в систему речного торгового пути по рекам Лама, Руза, через Москву-реку, и далее в Волгу. Оно впервые упоминается в списке духовной грамоты Василия Есипова (1528), а позднее меновой грамоте, заключённой царём Иваном Грозным и Иосифо-Волоцким монастырем (1562).⁵ В XVII в. по-прежнему писали Ерополч, как в челобитной П.Д. Дорошенко: «...вотчина Волоцкого уезда села Ерополча» (1685).⁶ На протяжении многих столетий имя села писалось как Е [Я]ро[ра]пол[ч], [-ч], [-чь]. Встречаются и такие варианты написания, как Ярополь,⁷ Ярополиц.⁸ В челобитной наследника гетмана,